

Сабит Алиев

Не судьба

Сабит Алиев

Не судьба

«Издательские решения»

Алиев С.

Не судьба / С. Алиев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-747652-6

Молодая девушка по имени Светлана потеряла обоих родителей в возрасте двенадцати лет и пытается найти свою дорогу в жизни. В день, когда она получает диплом, судьба сводит ее с молодым мужчиной, врачом, по имени Богдан, которого покинула его любимая женщина Наталья. Книга Сабита Алиева повествует о хитросплетениях судеб, разных ликах любви и сложной мозаике других эмоций, сопровождающих жизнь людей.

ISBN 978-5-44-747652-6

© Алиев С.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	20
Глава 4	27
Глава 5	30
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Не судьба

Сабит Алиев

© Сабит Алиев, 2019

ISBN 978-5-4474-7652-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

***

Любовь бывает грустной, радостной, отчаянной, вдохновляющей... Однажды я решил задать десяти разным людям один вопрос: что такое любовь? Каждый из них не задумавшись дал ответ, и я заметил, что ни один ответ не был похож на другой, значит, для каждого человека любовь, она особенная. Я от себя добавлю, что только истинную любовь можно пронести сквозь годы и испытания. Настоящая любовь бессмертна...

Глава 1

– Вставай, мама, мам...

Через несколько мгновений мама Светланы подала признаки жизни. Почти всегда, вернувшись со смены, она первым делом высыпалась, а потом принималась за домашние дела, проверяла уроки дочери.

– Сколько времени? – спросила она, не открывая глаз.

– Почти полтретьего. Мам, ну вставай! – Светлана скользнула под одеяло, рядом с матерью.

Не так часто она могла себе позволить обнять маму и полежать с ней под теплым одеялом. А для Светланы ничего на свете не было лучше этого...

– Лана, какие у тебя холодные ноги!

– Ну, мамочка, согрей меня скорее, – она прижалась к матери, та крепко обняла её.

– Мама, помнишь, когда я была маленькая, ты гладила мою ладошку и целовала каждый пальчик, пока я не усну?

– Да, моя малышка...

Мама вдыхала все ещё детский запах кожи Светланы, который так её умилял. А Лана продолжала наслаждаться минутами блаженства, утопать в той нежности, которую могла дарить только мама...

– Как дела в школе? – пробормотала мама.

– Хорошо... – Светлана прижалась к ней. – Давай просто полежим чуть-чуть, без всяких вопросов...

– Не получится. Ты уроки сделала? Это важнее всего для тебя сейчас...

– Ну конечно, мам!

– Точно?

– Да.

– Новый материал проходили?

– Не было нового.

– Ты ела?

– Да... Можно хоть пять минут ещё полежим с тобой без всяких разговоров о школе, учебе и еде?

– Можно... Но пять минут пролетят быстро, потом буду снова задавать вопросы. Знаешь, мне только что снился какой-то страшный сон, только я не запомнила ничего...

В объятиях мамы Лана словно ничего не слышала.

– Мам, пока ты спала, я нарисовала тебя.

– Да? Ты моя радость, ну-ка покажи?

– Покажу. Через пять минут.

– Ну ладно, полежи ещё.

Светлане не хотелось выбираться из тёплых объятий мамы. Но она была полностью уверена, что та её похвалит, когда увидит рисунок.

– Я сейчас, – она встала, подошла к книжному шкафу и достала альбом.

– Ничего, если я и альбом покажу тебе? – она опять залезла под одеяло.

– Ничего.

– Вот это ты!

На листе бумаги была нарисована женщина, молодая и очень красивая, с чемоданом на руке. На ней было темно-синее платье и туфли на высоких каблуках. Лицо женщины излучало радость и спокойствие.

– Это кто? – глаза мамы от удивления широко раскрылись.

– Ты. Моя мама.

– Если твоя мама – это я, то я не такая... Я вся без сил сейчас, разбитая от усталости. А ты кого нарисовала? Я вижу женщину лет двадцати восьми, причём явно незамужнюю, и она сияет от счастья.

– Ты для меня всегда молодая...

– И ещё, Лана, куда ты меня отправляешь с чемоданом? Я тебе надоела, кажется, – мама поцеловала её.

– Нет, мама. Я тебя очень люблю, просто ты так устаёшь каждый день, сама только что сказала. Вот сегодня уже почти три часа дня, а ты все ещё в постели...

– Это потому, что я ночью не спала, работала. Ты моя маленькая, как я тебя люблю...

От этих бесценных слов у Светланы внутри, как всегда, словно разлилось приятное тепло.

– Из-за работы и устаёшь, я же говорю. Я так подумала и нарисовала тебя... И я тоже тебя люблю...

– Я поняла, ты нарисовала меня уже отдохнувшей, здесь я такая молодая и красивая, – мама решила подыграть дочери.

– Да. Я хотела нарисовать тебя на вокзале в Сочи, как будто ты приехала отдыхать. Но не успела, не терпелось показать тебе.

Они просмотрели весь альбом. Светлана начала рисовать с раннего детства, и у нее определенно был талант.

Первый рисунок она сделала в четыре года, и с тех пор рисовала постоянно все, что видела или что приходило ей в голову.

– Кстати, у нас в школе через две недели будет художественный конкурс. Выберут три лучших рисунка и отправят в Москву, на выставку. Представляешь?

– И что ты собираешься рисовать? – она встала с постели.

– Ну, не знаю, хочу, чтобы ты посоветовала.

– Нарисуй букет цветов, это, по-моему, беспроигрышный вариант. И у тебя цветы всегда хорошо получаются, я обратила внимание.

– Хорошо, мама, нарисую!

– Уж постарайся, дорогая моя! Ну давай, поднимайся, застели кровать и пойдем пить чай. Сегодня мы должны с тобой сходить на новую квартиру, я хочу померить там кухню.

Лана молчала.

– Ты же хочешь пойти? Или нет?

– Хочу.

– Почему молчишь тогда?

– Не знаю... – серьезно ответила она.

Мама присела на край кровати.

– Все нормально? – она начала гладить волосы Светланы.

– Да, – вяло ответила та.

– Почему тогда тебе грустно?

– Не знаю, почему-то мне кажется, там, на новой квартире, мне будет скучно, школу придется поменять, друзей новых заводить...

– Ну не грусти, ты сначала просто посмотри квартиру, а потом поговорим, ладно?

– Да, мама, – покорно ответила Светлана.

– Теперь улыбнись, радость моя!

На лице девочки появилась натянутая улыбка.

– Порой мне кажется, что тебе пять лет, – покачала головой мама.

– Мне тоже иногда так кажется, – Лана встала с кровати.

Светлана не помнила, как они оказались в новой квартире, но она была от нее в восторге.

– Мама, мы будем жить здесь? – и не дождавшись ответа, ещё добавила: – Давай переедем, пожалуйста. Мне здесь очень нравится, дома красивые и люди другие.

Новая квартира впечатляла своими размерами и внешним видом, тут были высокие потолки и чистые ровные стены. С балкона открывался вид на сиреневый сад. Светлана в восторге выбежала на балкон.

– Как красиво!

Из окон ее комнаты была видна улица с трамвайными путями, ведущая в центр города. Позади дома метрах в пятидесяти протекала маленькая речушка, по берегу которой гуляли парочки, играли и бегали дети.

– Мама, мы с тобой будем гулять по этой набережной! И у меня появится много друзей. По вечерам будем с тобой сидеть на балконе и кушать мороженое... Мама, ты меня слышишь?

– Лана, принеси мне мою сумку, – крикнула мама из кухни. – Как же сегодня жарко, уже хочется зимы... – она даже не слышала, что говорила Лана.

Лана с сумкой в руках вошла на кухню.

– Мама, ты почему не отвечаешь?

– Я занята.

Мария Михайловна измеряла длину и ширину кухни.

– Мебель поставим вот здесь, справа, – она махнула рукой в сторону двери. – Купим уголок, чтобы всей семьей по утрам могли завтракать. Если денег хватит, купим и телевизор для кухни.

Мама достала из сумки ручку и листок бумаги, стала записывать все, что измерила.

– Подожди минутку, дочка, потом мы с тобой обо всем поговорим.

Лана нетерпеливо вздохнула.

Вскоре мама сказала:

– Ну все. Теперь можем пойти погулять.

Они не торопясь вышли на улицу. Лана говорила без остановки любую чепуху, все, что приходило в голову. Ее переполняли впечатления, щеки разругались, глаза блестели, как две черных бусинки, ветер развеивал ее длинные волосы. Прохожие заглядывались на нее.

– Вот там находится школа, очень даже близко от нашего дома, – показала рукой мама. – После переезда сюда ты сама сможешь ходить в школу. А я тебя буду только встречать.

– А можно, чтобы папа меня провожал хотя бы раз в неделю? Мы с ним так редко видимся, я очень скучаю. Ему совсем некогда? Можно, он будет со мной побольше времени проводить?

– Это ты лучше у него спроси, – ответила ей мама.

От наплыва эмоций Лана перестала смотреть под ноги. Споткнувшись, она упала на колени, но отделалась только царапиной.

– Осторожно, – крикнула мама, – ты хоть иногда под ноги смотри! И еще, не трать так много слов. Потом очень в жизни пригодится.

Дорога была усыпана щебнем.

– Ничего страшного! – ей не было больно, мысли были заняты другим. – Мама, зачем рожать детей, если вы не готовы проводить с ними время?

– Твой папа – очень большой начальник. Работа отнимает у него почти все время... Родину он любит сильнее, чем тебя и меня. Может, я неправа, но я пытаюсь ответить на твой вопрос. Иногда мужчинам приходится делать выбор между карьерой и... – она замолчала. Не хотелось говорить дочери, что отец сделал выбор в пользу своей работы.

– Мы все-таки будем здесь жить? – Лана прижалась к маме. Квартира и новое место произвели на нее такое впечатление, что долго думать о неприятном она не могла.

– Вижу, тебе очень нравится наша новая квартира, – улыбнулась мама. – Мы сюда поедем, только не сейчас. Здесь еще нужен ремонт сделать. К тому же папа еще не видел эту квартиру. Может, ему и не понравится... А тебе сделаем отдельную комнату... Ты же хочешь?

– Да, очень хочу, – ответила Лана.

Они направились к трамвайной остановке. Кроме них там ожидали трамвай пожилая женщина и парень. Был четверг, послеобеденное время. Трамвая не было долго, и парень, не дождавшись, выругался про себя на непонятном языке и, махнув рукой, пошел пешком.

Лана ничего не поняла.

– Зачем он ушел?

– Лана, я не знаю ответов на все твои вопросы. Я же говорила тебе: научись меньше говорить, это очень пригодится. Если будешь задавать слишком много вопросов, распугаешь всех своих женихов. Они просто убегут от тебя, – улыбнулась мама.

– Хорошо, поняла, – пробурчала Лана и переключилась на женщину, которая сидела на остановке, тяжело опираясь на костыль двумя руками, чуть подавшись вперед. Она смотрела перед собой невидящим взглядом.

Девочка несколько раз покосилась через плечо: куда это бабушка смотрит? На другой стороне дороги был только небольшой магазин «Продукты» и несколько деревьев, чуть дальше – бывшее здание какого-то ресторана. Там все было закрыто.

Не выдержав, любопытная Лана подошла поближе.

– Бабушка, куда это вы так смотрите?

В ответ – тишина. Женщина даже не моргнула, ее глаза были как стеклянные. Тогда Лана еще раз позвала:

– Бабушка!

– Да-да, дочка, – женщина как бы очнулась ото сна, увидела перед собой Лану и медленно протянула к ней руку. – Что ты спросила?

– Я хочу узнать, куда вы смотрите? Я тоже хочу посмотреть.

– Ах ты, какая любопытная... Ты не увидишь то, что я вижу, дочка.

– Почему? – Лана даже топнула ногой от нетерпения, как делают маленькие дети.

– Ладно, ладно, скажу, – улыбнулась женщина. – Это приходит только с возрастом. Бывает, сидишь, копаешься в своих мыслях, ищешь ответы на разные вопросы. Очищаешь память от ненужной информации, если она есть. Я вовсе никуда не смотрела. Вернее, я смотрела внутрь себя.

– Как это – внутрь? – у Ланы глаза от удивления стали больше в два раза.

– Я же сказала, это приходит с возрастом. Ты как бы смотришь на себя, свою прожитую жизнь со стороны. На свои ошибки и победы. В общем, дочка, придет время, ты меня поймешь, а сейчас живи и наслаждайся каждым моментом. Ты еще маленькая для таких мыслей. Вы в этом районе живете? Ты в школу ходишь? – она начала задавать разные вопросы, чтобы отвлечь Лану.

– Вообще-то, мне двенадцать лет, и я давно хожу в школу, – заявила Лана. – А вы, бабушка, не задавайте мне такие вопросы. Я же вижу, что вы хотите меня отвлечь, чтобы не отвечать мне, – она присела на скамейку рядом с женщиной.

– Какая ты взрослая, тебе двенадцать, а ты уже читаешь мысли! Удивительно... В твоём возрасте нам всем кажется, что жизнь очень длинная, она вся впереди, и мы никогда не состаримся, никогда не умрем. Но потом... Вся моя жизнь прошла так быстро, я не успела сделать почти ничего из того, о чем мечтала в детстве. А мне ведь уже ни много ни мало девяносто три... А знаешь, что мне помогло прожить так долго? Вера! Я всегда верила в жизнь, верила в Бога, что бы ни произошло со мною, веры я не теряла. Знала, что буду жить до ста лет, вот теперь осталось только семь... Я точно знаю, что, когда мне исполнится сто, я умру, и теперь

наслаждаюсь моментами этой жизни больше, чем когда-либо. Я похоронила многих родных людей: отца, мать, детей своих. Остались мои правнуки, но я и им нужна.

– Лана, Лана, идем, наш трамвай подошел, – позвала мама.

– Ну, я пойду.

– Иди с Богом, дочка. Запомни мои слова: что бы ни произошло с тобой, не теряй веру!

– Веру? Я не знаю, что это такое, – с этими словами Лана повернулась и ушла.

...Пройдет время, и Лана будет очень часто вспоминать эту женщину и её слова. Вера будет помогать ей выживать в самые трудные времена. Со временем Лана поймет, что вера – это другое имя Бога. Это любовь к Всевышнему!

А сейчас Лана с мамой ехали на трамвае до исторического центра города. В тот день они долго гуляли, Лана не хотела, чтобы наступал вечер. У мамы не так часто бывало время, чтобы погулять с ней. Работа, семья, постоянные гости... В выходной день дверь их дома никогда не бывала закрытой. Все соседи знали, что они любят принимать гостей, дети всегда бегали к ним за пирожками. Лана проголодалась, и они зашли в кафе. Мама заказала ее любимые макароны с сыром.

Они сидели у окна за столиком, покрытым белой как снег скатертью. На подоконнике стоял кактус в горшке, и Лана принялась пересчитывать его иголки. В ней было столько энергии, что она просто не могла сидеть спокойно, все время нужно было что-то делать.

– Я тебя люблю, мама, – вдруг сказала она.

– И я тебя люблю, дочка, – улыбнулась мама.

Они еще погуляли в тот вечер, долго разговаривали, Лана все не могла успокоиться, задавала бесчисленные вопросы... Домой пришли поздно. Беда пришла вместе со следующим днем...

Вера, надежды, мечты – это все замечательно... Но что будет завтра? Есть ситуации, события, которые происходят независимо от нас. И какая-то неведомая сила, не спросив нас ни о чем, в одночасье может кардинально перевернуть нашу жизнь. Это и есть судьба. Ложась спать, мы не знаем, что принесет с собой новый восход солнца...

Глава 2

Яркий свет в комнате... Он хочет укрыться с головой, поспать еще чуть-чуть. Но жена начинает будить его. Он пытается встать с постели, мышцы не слушаются. Сегодня утром Эрик чувствует себя дряхлой развалиной, да, именно так. Сон, который приснился ему сегодня ночью, словно забрал всю его энергию.

Доброе утро, товарищ Эрик Леонардович! – она улыбалась.

– Доброе утро, жена, – не открывая глаз, ответил он.

– Будете завтракать? – она присела рядом с ним на постель, поглаживая его по голове.

– Пожалуй, выпью с тобой чаю крепкого... Оставь, пожалуйста, мою лысую голову в покое...

– Ты для меня самый красивый мужчина, голова у тебя правда лысая, но любимая...

Он не смог вымолвить ни слова в ответ.

– Тебе сюда принести?

– Что?

– Чай.

– Нет. Дай мне ещё три минуты, ноги не слушаются. С утра не очень хорошо себя чувствую...

– Ничего, милый, сейчас выпьешь крепкого чаю, и все пройдет... Ты же знаешь, как я умею заваривать чай.

– Знаю... Дождь все ещё идет?

– Без остановки.

– Где Лана? Спит еще?

– Лана, тебя зовет папа!

Лана подбежала к отцу и обняла его, он тоже обнял её и поцеловал в щеку, усмехнулся:

– Мой птенец... – он, казалось, думал о чем-то своем, и эти мысли явно не прибавляли ему хорошего настроения.

– Пап, а пап, – позвала Лана.

– Да?

– Ты меня любишь?

– Конечно.

– И я тебя люблю... Знаешь, что хотела тебе сказать?

– Да, моя маленькая. Что ты?

– Ты каждое утро обнимаешь меня и целуешь в щеку, и что-то говоришь шепотом с закрытыми глазами. Я много раз пыталась понять, но не могла, что ты там говоришь?

– А зачем тебе это знать, дочка? – он нахмурился.

– Ты же знаешь, я любопытная, – улыбнулась Лана.

Он, тоже улыбнувшись, сказал:

– Молюсь Богу за тебя и благодарю его за то, что у меня есть ты. Отцовские молитвы Бог всегда услышит. Это мне говорила моя мама. Сейчас я говорю тебе, а потом ты расскажешь своим детям и внукам, – он встал с постели.

– Ты сегодня не закрыл глаза, когда обнимал меня, я заметила, – она начала барабанить ногами по полу.

Эрик Леонардович не ответил. Сегодня утром он был рассеян и погружен в свои мысли и вопросы дочки пропускал мимо ушей. Выйдя из комнаты, он распахнул застекленную дверь на кухню. Жена, Мария Михайловна, уже готовила завтрак.

– Ой, Господи! Ты что так хлопнул дверь, чуть стекло не разбил.

Эрик, ничего не говоря, подошел к ней и поцеловал в шею, сел в углу на свое привычное место и закурил сигарету.

– Поставь мне пепельницу, – он нервно кусал себе губы. Жена хорошо знала эту его привычку, годы совместной жизни не прошли попусту.

– Нет, дома нельзя, ты же знаешь, Светлана плохо чувствует себя после этого. Что с тобой вообще? Ты сам на себя не похож с утра. Дверями хлопаешь... – она отошла от плиты и пристально посмотрела на мужа:

– Ну, что случилось?

– Сегодня во сне видел родителей... Мама почему-то злилась на меня. Так странно все было... Торопились, бежали куда-то, куда – непонятно...

– Она что-нибудь говорила? Отца тоже видел? – у Марии задрожали руки.

– Да, там были мы с тобой и папа с мамой. Сначала я ничего не понял, потом увидел, что мы в старой деревенской бане все вместе паримся. Мама все время говорила мне: «Зачем ты так? Ну зачем ты так поступил!» А я ничего не понимаю, почему она меня ругает...

– А Лана где была? – поспешно спросила Мария у мужа.

– Я её увидел через окно, она крутилась вокруг бани, ей было лет пять-шесть на вид...

Она хотела зайти, но мама не открывала дверь. К чему все это, не знаю...

Мария Михайловна задумалась. Сон был не к добру: мыться во сне – это к болезни. Но мыться с покойными родителями – это еще хуже. «Сегодня после работы схожу в церковь, давно не была», – подумала она.

– Что молчишь? Скажи что-нибудь...

– Все будет хорошо, – она не стала расстраивать мужа. – Главное, Лана не с нами была.

– Да, она была не с нами, – Эрик задумался. – К чему это все мне приснилось?

– Забудь. Тебе чай или кофе?

– Наверное, кофе.

Он потушил сигарету, встал и открыл окно. Дождь лил как из ведра. Из окна их маленькой кухни были видны горы, поросшие деревьями. В доме напротив свет горел только в одном окне. Было еще рано, на улице никого, только стояла черная служебная «Волга». Слышно было, как барабанит дождь по крыше.

Эрик пару минут смотрел в окно на улицу, потом тяжело вздохнул и заговорил:

– Мы с родителями жили очень бедно. В городе Аксае в западной части Казахстана. У нас была одна маленькая комната, девять квадратных метров, и крошечная кухня, – он говорил очень тихо, почти шепотом. – Когда я был маленьким, всегда сидел на подоконнике и смотрел на улицу, ожидая маму с работы. Рисовал на оконном стекле разные фигуры, особенно любил рисовать волка...

– Вот, оказывается, в кого Светлана, – прервала его жена.

– Конечно, вся в отца, – гордо сказал он.

– Я, вообще-то, говорю о рисовании, товарищ Эрик Леонардович!

– Можно уже «мистер», а не «товарищ», – он пытался улыбнуться, но не смог. Все-таки настроение – это единственное, что ему не удавалось скрыть...

– А дальше что было?

– Из окна сквозил ветер, и мама всегда ругала меня за это, боялась, что я заболею. В одном углу стояла старая железная кровать, в другом – шкаф со сломанной дверью. Мама все мечтала купить новый шкаф... – он покачал головой. – Какая странная жизнь, люди отличаются так же, как их мечты. Ты мечтала о новой квартире, а моя мама – о новом шкафе...

– Философ ты мой... А что было потом?

– Я помню, как я обманывал маму, говорил, что мне страшно, хоть уже не был маленьким, лишь бы она обнимала меня ночью. Во сне держал ее за руку, и мне казалось, тогда видел чудесные сны, цветные. Еще в квартире был стол с одним стулом на троих. Мама никогда

не садилась ужинать без папы, а когда он приходил домой, то первым садился за стол, после него – я, а в конце – мама. Я всегда бурчал по поводу того, что незачем ждать папу, раз всё равно мы не можем все вместе сесть за стол. А она всегда отвечала, что, пока мы с папой не накормлены, она не может есть спокойно. Мама очень сильно любила папу.

Мы жили в небольшом военном городке. Папа преподавал в школе математику, мама работала в библиотеке. Потом она устроилась в школу уборщицей по вечерам, так как я рос, и денег не хватало, – он потушил сигарету. – Времена тогда были трудные, страна только поднималась после войны.

Из-за дополнительной работы мама стала позже приходить домой. Когда ее не было дома, папа не мог найти себе места, наша тесная комната словно становилась еще теснее. Стены, как сейчас помню, были ободранные, ремонта там, наверно, не было никогда. Так проходили дни, месяцы и годы... Через некоторое время папа начал помогать ей по работе. Они вместе убирались в школе, а когда возвращались домой, их глаза сверкали от счастья. Меня это тогда удивляло: дома папа не делал никакой домашней работы, но ходил помогать маме в школу...

– Что с тобой сегодня, Эрик? Тоска по родителям, или скучаешь по тесной комнате? – улыбнулась Мария.

Она хотела поменять тему, но муж продолжал:

– Ты знаешь, до сегодняшнего дня все сны, которые я видел, всегда происходили в этой комнате. Люди были разные, а место – одно и то же. А сегодня совсем другой сон, и место другое. Вот поэтому я все это рассказываю. Почему-то мне хочется, чтобы ты знала... Мы были бедными, но счастливыми тогда. Мне кажется, места, где мы провели свое детство, имеют свою особенную ауру. Туда всегда хочется вернуться, особенно когда нам плохо. Мне в такие моменты так и хочется забраться на подоконник и ждать маму, хоть и знаю, что она никогда уже не придет. Но мне все-таки кажется, что она всегда рядом со мной...

– Конечно, ты ведь часть ее, она носила тебя в животе девять месяцев. Потом кормила и ухаживала за тобой, когда ты еще сам ничего не мог. Ты же помнишь, как мы намучились со Светланой?

– Разве это можно забыть, – он улыбнулся и снова погрузился в воспоминания: – Когда я учился в третьем классе, отец внезапно заболел и умер. Помню, перед смертью мама сидела у его постели и все плакала, а папа говорил ей: «Родная, береги себя, ведь ты не одна, у тебя есть Эрик. Ты ему нужна». После того как он умер, мама перестала жить полной жизнью. Она больше не вышла замуж, все время посвящала мне. Однажды она пришла домой поздно, я, кажется, тогда учился в пятом классе, прошло два года после смерти папы. Шел дождь, и она пришла вся промокшая, уставшая... Одежда ее была грязной, в глазах застыл страх. Она не смотрела мне в лицо, глаза были потухшими. Я никогда ее такой не видел... Прошло много лет, я уже вырос, вернулся из армии и как-то раз попросил маму рассказать, что тогда случилось. Я часто вспоминал об этом дне, никак не мог избавиться от этих мыслей.

– Рассказала? – спросила Мария Михайловна.

– Да... Директор школы, дождавшись, пока все уйдут, стал приставать к маме, когда она мыла полы.

– Он её изнасиловал? И она никому не сказала?! – спросила жена быстро.

– Маша, я не знаю, было это или нет. Когда она начала говорить об этом, то заплакала, и я не стал настаивать. Если бы она сказала мне тогда, что я мог сделать, я учился в пятом классе. А он был директором школы. Это сейчас школы в каждом дворе, а в то время в маленьком городе школа была одна-единственная, и директор был не из простых смертных. А когда я это узнал, он уже был в ином мире. Бог ему судья, Господь все видит. Если это правда, насколько же он низкий человек! Изнасиловать беззащитную женщину! – он с шумом выдохнул.

– Почему ты вспомнил об этом сейчас?

– Когда идет дождь, я всегда вспоминаю лицо мамы, каким оно было в тот день... С тех пор дождь у меня ассоциируется с несчастьем... Хотя, наверное, это неправильно.

– Ладно, хватит философии на сегодня. Давай ешь, – сказала Мария, ставя на стол чашку кофе и тарелку с кексами. – Закрой окно. Все это уже прошло, родители наши давно в другом мире.

Эрик сделал большой глоток кофе. С его лица постепенно спадало напряжение.

– Кстати, где твоя подруга? – он решил сменить тему. – Она давно у нас не была. Вы что, поругались?

– Ну, во-первых, ты не так часто бываешь дома, вот и не застаешь ее у нас. Во-вторых, отношения у нас как-то изменились в последнее время. Я и сама не очень хочу с ней встречаться. Не люблю, когда меня учат жить, дают всякие наставления, пытаются изменить мой характер. Она себя со мной ведет как учительница, а мы с ней почти ровесницы.

– Но почему? Я не понимаю, – он пожал плечами.

– Ну, это все женские дела, мне кажется, она всегда судит меня, находит какие-то недостатки. Как будто хочет подорвать мою уверенность в себе. То туфли мои не подходят к платью, то наоборот. Еду готовлю неправильно, мол, надо раз в неделю ходить на рынок за свежими продуктами, а не покупать полуфабрикаты в супермаркете... Ну и тому подобная ерунда...

– Не суди, да не судим будешь, – прошептал он.

– Вот именно! – ответила Мария.

– Постой, ведь мы же, кажется, полуфабрикаты и так не покупаем?

– Во всяком случае, это не её дело, я устала от этих непонятных разговоров. Сама она при этом покупает все в дешевом магазине напротив дома, а на рынке всегда торгуется. Все время экономит, хоть денег у нее достаточно. Я не хочу с ней ссориться, все-таки мы столько лет дружили, я это ценю, даже если она – нет. Кто-то должен быть умнее... Все, не хочу о ней больше говорить, слишком много чести!

– Если честно, я думаю, она тебе завидует. Я это давно понял и, кажется, уже тебе говорил об этом.

– Наверное, завидует тому, что у меня есть семья, работа, которую я люблю... Она ведь разведена. Сейчас, к сожалению, многие люди живут с завистью к другим, хоть внешне и поддерживают видимость нормальных отношений. Их зависть прежде всего разрушает их же самих изнутри, она, как медленный яд, рано или поздно убьет, это лишь вопрос времени... Ты ей нравишься, я обращала внимание, как она смотрит на тебя, как всегда говорит, что мне повезло, мол, муж у меня симпатичный, интересный, мудрый и семьянин хороший...

– Ладно, давай закроем тему. Лана может услышать.

– Лана, – позвала Мария Михайловна, – иди, завтрак готов.

Лана представить не могла, что это утро станет последним из тех, когда родители были рядом. Что люди, которые всегда принимали её такой, как есть, со всеми капризами, уйдут в иной мир. Что ее счастливая жизнь закончится так быстро и неожиданно, и она останется одна в огромном мире, где ей придется привыкать к новым условиям. Что радость надолго уступит место боли...

Дети её возраста уже давно умеют ходить, но еще не научились ориентироваться в сложностях этого мира. Пока за них это делают родители, показывают дорогу и направляют детей...

Лана вошла в кухню.

– Мама, налей мне чаю, пожалуйста...

После завтрака, в семь сорок пять, всей семьей спустились вниз.

Шофер Эрика Леонардовича Сергей махнул рукой, показывая, что он сейчас подъедет ближе к подъезду. Дождь лил как из ведра.

– Мои красавицы! Что бы я без вас делал?

– Ничего, нашел бы другую жену, она бы родила тебе девочку, и так далее, – засмеялась Мария Михайловна. – Ты что говоришь? Мы с тобой всегда будем вместе, а Лана выйдет замуж за хорошего парня, сыграем красивую свадьбу человек на сто с рестораном, оркестром, танцами. У Ланы будет красивое белое платье, туфли...

– Ты как будто сама собралась снова замуж выходить, – усмехнулся Эрик Леонардович.

– Ну дай помечтать. Обожаю свадьбы, ты же знаешь. Жених и невеста счастливы, гости пьют, развлекаются, танцуют... Ну а потом начинается обычная жизнь с ее проблемами и заботами. Ты, Светлана, если станет грустно или еще что-нибудь, сразу звони мне, поговорим, хорошо?

– Конечно, позвоню, – сказала Лана.

– Надеюсь, у тебя будет много детей, а у нас – внуков, – она посмотрела на мужа, – и мы с тобой, Эрик, доживем до девяноста лет.

– Садитесь, – шофер открыл заднюю правую дверь «Волги». Лана с мамой сели на заднее сиденье, отец – рядом с Сергеем.

– Поехали... Сначала в школу, потом Марию на работу, потом меня, в общем, как всегда. После обеда ты мне не нужен, можешь заняться своими делами, только машину оставишь мне, мы с семьей съездим кое-куда.

– Понял, Эрик Леонардович.

Дороги были еще пустыми, черная «Волга» быстро оказалась возле школы.

Трехэтажное здание школы было довольно старое, построенное в 1934 году. С высоты птичьего полета оно выглядело как крест. Обычная старая школа: стены, выкрашенные серой масляной краской, полы, покрытые темным вытертым линолеумом.

Класс Ланы был на третьем этаже. Она сидела у окна и, таким образом, могла сразу видеть машину родителей, когда они приезжали забирать ее из школы.

– Пока, папа!

– До встречи, моя сладкая, – он поцеловал её и обнял, не отпуская несколько секунд. – Иди учись, моя принцесса, – сказал он и еще раз поцеловал ее.

Он никогда так не делал, и Лана даже удивилась.

Мама проводила ее до дверей школы с зонтом в руке. Погладила Лану по волосам, долго смотрела на нее:

– Вечером заедем за тобой с папой. Будь умницей, не подведи нас. Ты же наша гордость...

Мы с папой тебя очень любим.

По дороге её родители попали в аварию. Больше она их не видела...

Лана не могла дождаться конца последнего урока, все смотрела на часы: минуты тянулись так медленно! Мысль о том, что скоро за ней заедут папа с мамой, не давала ей покоя, она не могла спокойно сидеть на месте. Казалось, что время остановилось...

– Лана, ты сегодня на себя не похожа, – голос учительницы вывел ее из раздумий. – Ты словно где-то далеко, на часы смотришь постоянно... Встань, пожалуйста!

Лана встала, не поднимая глаз. Просто стояла и смотрела в пол.

– Что случилось? Скажи мне.

– Ничего, – тихо ответила Лана. Она знала, что Зоя Васильевна очень не любит, когда нарушают дисциплину на её уроках.

– Порядок для всех один, ты же знаешь, – Зоя Васильевна не повышала голоса. Для нее не было исключений среди учеников, даже если это были дети ее родственников. Все должны были слушать внимательно и сидеть тихо, никому даже и в голову не приходило, что может быть как-то по-другому. – Запомни, еще не родился тот человек, который мог бы ускорять ход времени. Посмотрите-ка на часы! – она показала на часы, висящие на стене. Все дети обернулись в ту сторону.

– Время не зависит ни от чего, – сказала учительница. – Можно сказать, оно абсолютно свободно. Но от него зависят все и всё. Оно оставляет свой след на всех лицах и судьбах... Вот вы все одноклассники, родились в один год, верно?

– Да, – хором ответил класс.

– У каждого из вас есть свое имя, у каждого своя семья и разная судьба. Но время, оно для всех одинаково. Всем дано только 24 часа в сутки, ни больше ни меньше, и этого ничем не изменить. Этот день для кого-то останется в памяти радостным, для кого-то – грустным. Но в любом случае он пройдет. Завтра будет новый день, а сегодняшний станет для всех нас прошлым и останется только в наших воспоминаниях.

Лана не знала, что ответить, стояла молча. Язык у нее словно опух, как от аллергии, она не могла вымолвить ни слова.

– В очередной раз повторяю вам: цените это время! Потом вы очень часто будете вспоминать мои слова: в школу вы идёте только за знаниями! Как я говорила вам, школа помогает вам стать какими? – она обращалась ко всему классу.

– Умными, – ответил Радик.

– Ещё?

– Грамотными, – на сей раз отозвался Алексей.

– Умница. А ты, Лана, что скажешь?

Лана была ближе всех к учительнице. Она заикаясь произнесла:

– Вы учите нас любить читать книги...

– Садись! Bravo! Читайте больше книг, дети, в противном случае в стране станет больше дворников, – она улыбнулась. – Продолжаем урок!

После окончания урока Зоя Васильевна попросила Лану остаться.

– Что с тобой? Почему ты сама не своя сегодня? Есть проблемы – давай решать вместе, мы же одна семья!

– Зоя Васильевна, я просто жду маму и волнуюсь. Поэтому и смотрела на часы так часто. Извините, только не говорите ничего маме, пожалуйста.

Лана тогда еще не знала, что Зоя Васильевна никогда больше не увидит её маму...

– Ладно, верю! Ты не любительница врать, поэтому я тебя прощаю.

Лана быстро спустилась вниз и села у двери на первом этаже. В школе почти никого не осталось. Уборщицы уже приступили к своим обязанностям.

Мама обещала забрать её, а если вдруг она придет с папой? И они поедут куда-нибудь погулять втроем. Уже от одной этой мысли Лана почувствовала себя счастливой. В этом возрасте детям нужно от родителей только одно – внимание! А родители очень часто не понимают этого. Они покупают детям вещи, игрушки, но поиграть с ними, даже просто поговорить уже не хватает времени или сил, или нет настроения... Так и откладывают на завтра, не осознавая, что завтра может вовсе не наступить. Особенно это касается отцов. Поэтому, как правило, у детей сохраняются более яркие воспоминания о папе, чем о маме...

Уже без десяти четыре, а мамы все еще нет. Лана, оставив сумку на столе, принялась ходить по коридору. Она с завистью смотрела на детей, которых забирали родители. Вот и Анну забрала бабушка. Кажется, она последняя, кого еще не забрали.

– Лана, пока! До завтра! – попрощалась Анна, она была лучшей подругой Светланы.

– До завтра, – ответила Лана.

Она уже устала ждать. «Ну, еще чуть-чуть, – уговаривала сама себя, – мама скоро придет, она ведь обещала. Надо только еще немного подождать...»

Лана начала ходить по коридору. На стенах висели портреты великих русских писателей: Достоевского, Гоголя, Булгакова, Куприна. Светлане казалось, что все они наблюдают за ней, более того, даже понимают ее. Они словно хотели ей что-то сказать, но не могли, так как находились в другом измерении...

– Тебя, кажется, Светлана зовут? – к ней обращался школьный охранник.

– Да, – ответила Лана, – я из шестого «А», жду маму.

– Сейчас, – он прошел прямо по коридору, подошел к кабинету завуча. Постучал в дверь и, не дожидаясь ответа, вошел:

– Ирина Петровна, все дети ушли, кроме...

– Кроме Светланы из шестого «А», – продолжила Ирина Петровна. – Если стучите в дверь, дождитесь сначала разрешения войти!

Она быстро вытерла слезы. Ей только что позвонили из больницы и сообщили о смерти родителей Светланы.

– Извините, я вырос без родителей, меня никто этому не учил! – с некоторой обидой сказал охранник. – Я просто торопился вам доложить, она очень ждёт свою мать.

Завуч резко встала из-за стола. У нее было плохое настроение, что случалось крайне редко.

– Кажется, вы правы, вас этому не учили, а теперь уже поздно. Хотя в определенном возрасте человек должен уметь сам себя воспитывать. Ведь не все дети имеют родителей рядом. Вам тоже не повезло, но вы взрослый человек, и у вас самого есть дети. Я не ошибаюсь?

– Нет, вы правы, – неохотно согласился охранник.

– А как вы воспитываете их? Есть такая поговорка: не воспитывайте детей, все равно они будут похожи на вас. Начинать нужно с себя. Вы знали об этом?

Охранник не знал, что ответить, сознавая справедливость слов Ирины Петровны.

– Извините, я просто... – не договорив, он закрыл дверь, постоял несколько секунд, затем ушел.

Проходя мимо Светланы, он сказал:

– Сейчас за тобой придет завуч.

Лана проголодалась и вспомнила, что мама утром положила ей яблоко. Она присела и стала рыться в портфеле.

– Ланочка, ты одна осталась? Пойдем ко мне в кабинет, – Ирина Петровна вышла в коридор. Она очень любила Лану. Когда мама, Мария Михайловна, опаздывала, а это в связи с ее работой бывало довольно часто, Лана оставалась с ней.

– Ирина Петровна, я маму жду, – она, не достав яблока, вынула руку из портфеля.

– Понятно. Пойдем ко мне в кабинет, у меня как раз тоже закончились уроки. Чаю с тобой попьем, у меня пирожки есть домашние. Да пошли же! – она взяла Лану за руку и повела в сторону своего кабинета.

– Ирина Петровна, а мама нас найдет? – печально спросила Лана.

– Найдет, она-то знает, где тебя искать. Ты что, первый раз остаешься после уроков? – Ирина Петровна изо всех сил старалась держаться естественно, чтобы не расплакаться прямо перед Ланой.

Лана ничего не ответила. Пока они шли в сторону кабинета Ирины Петровны, она несколько раз обернулась в сторону двери, не идет ли мама. Люди на портретах словно провожали ее взглядами. Где-то глубоко внутри ее точило беспокойство, ощущение чего-то плохого, непоправимого... Лана вдруг прижалась к Ирине Петровне и заплакала. Детские души настолько чистые, что могут предчувствовать события, когда разум еще о них не знает.

– Лана, что с тобой? Не плачь, твоя мама сейчас придет, – Ирина Петровна погладила ее по голове, сама с трудом сдерживая слезы.

Кабинет был небольшой, увешанный настенными полками, на которых стояли книги и разноцветные папки. Между полками висели фотографии в рамках – классы разных лет выпуска. Стол Ирины Петровны был завален тетрадями и кипами бумаг.

Они долго сидели в кабинете, почти до шести вечера. Съедены были все пирожки, и чай больше не шел в горло.

– Ирина Петровна, отвезите меня домой. Хочу к маме...

По щекам Светланы катились слезы. Она еще не понимала тогда, что с того дня слезы будут ее единственным облегчением в жизни. Они не оставят ее одну, всегда придут на помощь, когда нужно. Еще не понимала, что сказка жизни для нее закончилась и началась суровая реальность, в которой она будет жить с постоянной болью в груди. Боль никогда не оставит её, и со временем Лана привыкнет к ней, так бывает очень часто. Ребенок теряет всех родных людей. Еще утром были папа и мама, можно было забраться к папе на руки, обнять маму, попросить, чтобы она почитала книгу перед сном... Это было счастье. А теперь их нет.

Ирина Петровна подняла трубку телефона, сделала вид, что набирает номер.

– Сейчас я узнаю, в чем дело. Да, это Ирина Петровна. Что нам делать? Если они опаздывают, может, я её заберу к себе домой?

Она сделала паузу, якобы слушая ответ на другом конце провода. Потом сказала «Хорошо» и повесила трубку.

– Лана, мы идем ко мне домой. Твои родители попали в аварию.

Больше она не могла ничего сказать. Ирина Петровна уже знала, что ни папы, ни мамы нет в живых. Но как объяснить это ребенку?!

– А мы не можем к ним поехать? Ирина Петровна, отвезите меня к ним, пожалуйста!

– Не могу, меня дома сын ждет, да и тебя в больницу не пустят. Уже поздно, и завтра выходной, мы с тобой погуляем – я, ты и Тимофей.

Тимофеем звали ее сына.

Лана ничего не ответила, она поняла, что ей придется послушаться Ирину Петровну.

На выходе с ними попрощался охранник.

– Будьте осторожны, Ирина Петровна, дождь не прекращается со вчерашнего дня. Мои сегодня даже не выходили никуда.

– До свидания, – ответила Ирина Петровна. – Пошли, Лана. Нет, постой!

Она достала из сумки зонт, раскрыла его.

– Теперь пойдем, – она улыбнулась легкой, едва заметной улыбкой.

Они вышли на улицу. Лана все еще искала глазами маму, хоть ей и сказали, что родители в больнице. Она все еще надеялась на чудо.

Они с Ириной Петровной сели в такси.

– Ну и дождь! – сказал водитель.

– Да, – согласилась Ирина Петровна.

Больше за всю дорогу никто не произнес ни слова. Был слышен только стук дождя по крыше машины. Лана сидела на заднем сиденье, двумя руками прижимая к себе портфель.

По залитым дождем улицам бежали промокшие люди, кто-то – с зонтом, кто-то – прикрываясь тем, что было под рукой: газетой, пакетом или поднятым капюшоном.

Квартира Ирины Петровны была на шестом этаже.

– Тимофей, у Светланы сегодня нет настроения, – с порога предупредила Ирина Петровна.

Она зашла к себе в комнату, села на кровать и заплакала навзрыд. Пока рядом была Лана, она еще сдерживалась, но сейчас сил уже не осталось. Чтобы Лана не слышала ее рыданий, она зажала платок зубами. Ирина Петровна не знала, как сказать Лане, что теперь у нее на свете нет никого. Когда-то ей уже пришлось объяснять своему сыну, что у него больше нет отца. Это было невыносимо больно. А сейчас надо объяснить это Светлане. Она вспоминала, как Тимофей тяжело переживал и до сих пор переживает по поводу кончины отца. А тут судьба забрала у маленькой девочки обоих самых родных людей.

Может, и правда уже пора признать, что жизнь все-таки несправедлива? Ведь сколько на свете семей, где родители даже ничего не знают о судьбе своих детей. Или таких, где роди-

тели с первых дней на корню уничтожили любовь своих детей к ним. Они живут вроде бы вместе, но каждый сам по себе, своей жизнью. При этом не имеет значения, маленькие дети или уже взрослые. И так продолжается всю жизнь. А тут ребенок растет, окруженный родительской любовью, и вдруг в одно мгновение этот шар лопнул, и не осталось ничего, кроме прекрасных воспоминаний о минутах, проведенных вместе...

Тимофей встретил Лану очень приветливо. Показал все свои оценки и медали. Он с семи лет занимался плаванием и уже имел две награды. Одну – за победу в районных соревнованиях, вторую – за третье место в общегородском состязании. Тимофей очень гордился этим.

Лана за все время не сказала ни слова. В горле стоял ком, в опухших от слез глазах застыла беспомощность. Тимофей был еще слишком маленьким, чтобы заметить это. Он просто старался её развеселить.

– Ну что ты молчишь, Лана? Скажи мне что-нибудь. А где мои аплодисменты? Он делал все, чтобы она улыбнулась, но все попытки ни к чему не приводили. Её улыбка погасла, на лице появилось тревожное выражение...

Ирина Петровна немного успокоилась и пошла на кухню. Быстро поджарила котлеты, сделала салат, налила сок.

– Дети, – позвала она через некоторое время, – идите, ужин готов.

Глава 3

– Спасибо, спасибо вам большое! – с этими словами Лана вскочила с места и обняла Людмилу Александровну.

Глаза ее блестели от счастливых слез, хотелось сказать еще какие-то важные слова благодарности, но в горле стоял ком, а в голове, хоть убей, не было ни одной ясной мысли, и, кроме слова «спасибо», Лана не могла больше ничего придумать. Она никогда раньше не чувствовала себя такой живой, как сейчас...

Безграничное, острое ощущение счастья словно накрыло ее. Больше ничего не существовало в мире. Описать это словами практически невозможно, нужно хотя бы раз пережить, чтобы понять. Она долго и трудно шла к своей цели, но теперь, когда цель наконец-то была достигнута, еще трудно было в это поверить, все казалось каким-то чудом. Ещё вчера это было её мечтой, а сегодня стало уже явью.

Увидев состояние Светланы, Людмила Александровна сказала с улыбкой:

– Успокойся, а то сейчас захлебнешься от счастья.

Она подошла к окну и с силой повернула ржавую задвижку. Окно нехотя, со скрипом открылось, впустив в аудиторию струю свежего воздуха.

– Сколько можно просить, чтобы поменяли окна, хотя бы у меня в кабинете, – покачала головой Людмила Александровна. – Каждый раз одна и та же отговорка: «Отложим до лучших времен». А лучшие времена за двадцать лет так и не наступили... С ума сойти, через месяц будет двадцать лет, как я здесь работаю!

Она села за стол.

– Ты понимаешь, почему я прошу, чтобы здесь поменяли окно, поставили кондиционер? Думаешь, я для себя стараюсь? – она вопросительно смотрела на Лану в ожидании ответа.

Лана пожала плечами, не понимая, о чем ее спрашивают. За все время учебы она много раз была в кабинете Людмилы Александровны, но никогда не обращала внимания на окно. Ей всегда было не до этого, какая ей разница, какое окно в кабинете? Она получила первую в жизни заслуженную награду, диплом о среднем медицинском образовании.

– Я слышала очень много слов благодарности от студентов вот здесь, на этом самом месте, где ты сейчас стоишь. Здесь они получают билет во взрослую жизнь, на эту корочку они возлагают большие надежды. Хоть это и не диплом о высшем образовании, но у многих людей и этого нет. Люди ценят только то, чего достигли своими силами. И поэтому нужно, чтобы место, где вам вручают этот диплом, было ухоженным и чистым, – Людмила Александровна раздраженно смахнула рукой бумаги со стола. Лана наклонилась, чтобы поднять их, но не успела.

– Не трогай, я сама подберу, – сказала учительница. – Мне полезно, ведь целый день сижу без движения, растолстела на старости лет. Раньше жила на пятом этаже, дом был старый, без лифта. Ступеньки хоть как-то держали меня в форме. Помню, с сумками взлетала на последний этаж на одном дыхании. А сейчас – на втором уже четвертый год, и то всегда лифт вызываю... Кстати, Лана, вот что хочу у тебя спросить. Ты умница, это я сама знаю, и некоторые из преподавателей тоже очень хвалят тебя...

Лана прервала её:

– Некоторые – это кто? Антон Денисович?

– Неважно, суть не в этом, – она наблюдала за Ланой сквозь очки. – Скажи, почему ты не стала поступать сразу в университет? Я уверена, из тебя бы получился отличный педиатр. Ты сама, как ребенок, добрая, наивная. Дети бы доверяли тебе...

– Видите ли... – осторожно начала Лана. – У меня не было возможности по окончании школы выбирать, куда поступать.

– Почему? – Людмила Александровна не сводила с нее глаз.

– Мне нужен был белый халат, понимаете... Хотела стать медиком, и, как видите, я стала. Наверно, я себя недооценивала, надо было все-таки поступать в медицинский вуз и стать доктором... Может, и денежные трудности остановили меня... А в общем, все ещё у меня впереди...

– Конечно, ты же ещё молодая совсем! Я помню, как-то давным-давно я повела своего сына к педиатру. Тот оказался верзилой под два метра ростом довольно-таки пугающей наружности. И весил килограммов сто двадцать. Ребенок, увидев его, расплакался, я никак не могла его успокоить. С такой внешностью, как у этого доктора, ему надо было хирургом становиться, но уж никак не детским врачом. Вид у него был как у настоящего мясника, как сейчас помню, – засмеялась Людмила Александровна.

Лана не успела ответить на заданный вопрос, их разговор прервал стук в дверь:

– Можно? – дверь медленно открылась, в кабинет заглянула темноволосая девушка с чудесными глазами. Это была София из параллельной группы.

– Да, заходи, София. Ты тоже за дипломом, наверно?

– Да, здравствуйте.

София и Светлана никогда не дружили, знали друг друга только в лицо.

– Как твоя фамилия?

– Вергара.

– Сейчас.

Людмила Александровна нашла диплом Софии в стопке на своем столе:

– Вот, возьми.

– Спасибо, – девушка даже не посмотрела на диплом, сунула в сумку, достала оттуда же плитку дорогого шоколада, положила на край стола и развернулась, чтобы уйти.

– Ты что, Вергара? Даже не хочешь посмотреть, что написано внутри?

– Нет, Людмила Александровна, времени нет, меня родители ждут внизу. Мы сейчас едем в аэропорт, летим отдыхать в Турцию. Родители сделали подарок на окончание колледжа, – улыбнулась София.

После этих слов Лана вдруг почувствовала, как по ее щекам текут слезы. Она невольно ощутила острую зависть к Софии, услышав ее слова о родителях. Внезапно почувствовала острый недостаток родительской любви.

– На, возьми, – Людмила Александровна достала из сумки бумажную салфетку и протянула Светлане. – Ты знаешь, слезы очищают наш разум и освобождают душу от всякой грязи. Особенно когда это слезы радости. Когда плачешь от счастья, ощущение запоминаешь на всю жизнь. Вот поэтому, девочка моя, мы, женщины, живем дольше мужчин.

Произнося эти слова, Людмила Александровна одновременно искала что-то в бумагах на своем столе. Как многие женщины, она могла делать несколько дел сразу: говорить, рыться в документах и одновременно присматриваться к тому, что происходит вокруг.

Тем временем Лана тихо плакала.

– Вот смотрю я на тебя и вспоминаю, как я в первый раз заплакала от счастья, – продолжала Людмила Александровна. – Давно я не вспоминала об этом... Давай расскажу, как это было. Прошло уже тридцать семь лет. Мы с родителями тогда жили в Ялте. Я была тогда совсем молодая, красивая, но глупая, конечно. Есть такая пословица: любви все возрасты покорны. А я бы сказала по-другому: глупости все возрасты покорны. Даже самый умный человек может совершить глупость, особенно в молодости... Так вот, его звали Игорь.

У нее заблестели глаза, мысленно она перенеслась туда, где была её первая любовь. Где она была безгранично счастлива...

– Он был баскетболистом. Высокий и красивый. Настоящий русский богатырь. Всем моим многочисленным подругам он нравился, все были уверены, что у него хорошие пер-

спективы, большое будущее... Все мы тогда не сомневались: только рядом с таким человеком и можно стать счастливой. Понимаешь?

– Конечно, – тихо ответила Лана.

– Попадая в компанию, где был он, никто из нас не уходил, пока оставался Игорь. Мы все, сами того не заметив, стали его фанатками. Он был для нас идеальным воплощением женского счастья, принцем из сказки. Каждая победа его команды больше кружила голову нам, чем ему. Один его взгляд в нашу сторону – и мы уже спорили, на кого из нас он посмотрел, – Людмила Александровна достала зеркальце и помаду, стала подкрашивать губы, улыбаясь своим воспоминаниям.

Лана вдруг произнесла задумчиво:

– Женское счастье... Что это такое?

Учительница отложила зеркало и помаду в сторону.

– Когда мне было лет двадцать, я бы ответила на этот вопрос по-другому, чем сейчас. Я не считаю себя абсолютно счастливой женщиной. Много было упущено в жизни, в отношениях, а их у меня было много... Понимаешь, Лана, когда ты молодая и уверенная в себе, ты хочешь, чтобы твой муж или молодой человек был только твоим. Чтобы он любил и баловал только тебя. Даже мимолетный взгляд в другую сторону вызывает приступ ревности. Но большинство женщин, и ты, и я, и многие другие не учитывают одну простую истину.

– Что вы имеете в виду, Людмила Александровна? Кажется, это нормально, когда ты хочешь взаимной любви, чтобы любимый человек смотрел только на тебя. Если мы ревнуем, значит, любим, разве не так?

Раньше Светлане не приходилось обсуждать такие темы, да и не с кем было. Однокурсницы ее были еще слишком молодыми и наивными, так же как и она сама. Лана просто принимала многие общепринятые взгляды, не задумываясь над тем, правильны ли они, подходят ли лично для нее. И теперь, услышав иную точку зрения, она по инерции стала спорить.

– Ты права, если мы ревнуем, значит, любим. С другой стороны, ведь ревность вызвать нельзя, она либо есть, либо нет, все зависит от человека, – сказала Людмила Александровна, – но я не это имела в виду.

– Тогда объясните мне, пожалуйста.

Светлане еще никогда не случалось терять голову из-за любви. Как она сама однажды сказала: «В ближайшем будущем мне моя голова нужна, и я её терять не намерена». Все попытки девушек-однокурсниц познакомить ее с кем-нибудь не давали результата.

– Мы не учитываем или не понимаем, что, помимо того, что он муж, он еще и чей-то брат, друг или просто товарищ. Мы душим его своей любовью, а потом удивляемся, почему он от нас так устал? Почему он стал другим человеком? Хочешь узнать, почему так происходит?

Лана сидела с полураскрытым ртом, как замороженная, слушая Людмилу Александровну, даже не отвечая на ее вопрос.

Не дождавшись ответа, Людмила Александровна продолжала:

– Мы пытаемся его удержать рядом с собой, как паук опутывает свою жертву паутиной. А потом постепенно начинаем душить. Сильный человек не будет с этим мириться и рано или поздно уйдет... Нужно уметь просто наслаждаться отношениями, уметь быть уверенной в себе, достойной любимого человека, при этом не нужно прилагать слишком много усилий, от этого только хуже... Одна из причин ревности – это неуверенность в себе. К тому же, – улыбнулась она, – мы всегда забываем, что мужчины полигамны, так уж устроено природой.

– Хотите сказать, что мы, женщины, должны давать больше свободы мужчинам? – спросила Лана.

– Да, именно так.

– Людмила Александровна, можно мне стакан воды? Во рту пересохло, – попросила Лана.

– Вон там на столе графин, – сказала Людмила Александровна. – Налей и мне тоже.

Лана с жадностью выпила воду, затем наполнила второй стакан и подала Людмиле Александровне. Та чуть пригубила воду, поставила стакан на стол и продолжила:

– Так вот, однажды Игорь вдруг пригласил меня в театр. Ты сейчас этого не поймешь, но в то время достать билет в театр было для меня, да и не только для меня почти нереально. Это было удовольствие не для простых людей.

Он сделал невозможное – достал билет в первый ряд. Простым смертным это было не под силу. Я очень любила театр, хоть и бывала там крайне редко. И тут он взял и пригласил меня, с ума сойти! При этом раньше никаких особенных отношений между нами не было. С этой встречи начался наш роман. Игорь стал моим первым мужчиной... А у тебя был парень? – вдруг спросила Людмила Александровна.

Лана покраснела, опустила глаза и ничего не ответила.

– В наше время таких девушек, как ты, днем с огнем не сыщешь... Они, наверно, на вес золота. Сколько тебе лет?

– Девятнадцать, – сказала Лана тихим голосом.

– Сказал бы мне кто-то другой, я бы не поверила. Очень прошу тебя, не торопи события. У тебя все будет в свое время. Бог лучше знает, в чем мы нуждаемся.

«Бог? О чем она говорит? – Лана усмехнулась про себя. – Если он есть, почему допустил, чтобы я стала в двенадцать лет сиротой? Почему он забрал моих родных к себе и оставил меня одну в этом мире?»

– Ты опять куда-то улетела от меня... И сядь ровно, не сутулься, – заметила Людмила Александровна.

– Нет-нет, я здесь и слушаю вас, – Лана выпрямилась.

– Игорь был мужчиной с сильным характером. Он хотел во всем быть первым. Ему нравилось быть звездой спорта. А мне льстило быть рядом с таким человеком, да еще и в таком возрасте. Нас даже вместе показывали по телевизору. И я вообразила, что он мой, целиком и полностью. Я должна была всегда присутствовать рядом с ним, даже на тренировках. Я буквально не давала ему прохода, постоянно звонила на работу, меня терзали приступы ревности, я бросала все и ехала к нему, чтобы убедиться, что он не с другой женщиной. Хотя на тот момент мы были уже мужем и женой, моя воспаленная фантазия все время рисовала эту женщину как наяву. Мы начали ругаться, отношения портились на глазах. Я ничего не могла с собой поделать. Моя мама, очень мудрая женщина, никак не могла заставить меня понять, что я неправа. Игорь был старше и опытнее меня, и однажды он первым начал разговор. Говорил целый час, заставил меня сидеть и слушать.

– И что он сказал вам такого, чего вы не знали? – спросила Лана.

– Сказал, что между нами началось все то, чего он не приемлет ни в семье, ни на работе, ни вообще в жизни. Сцены ревности, отношение к нему, как к моей собственности. Сказал, что я душу его своей любовью. «Я тоже тебя люблю, но не могу бросить свою карьеру. Я с восьми лет в баскетболе, всю жизнь стремился к тому, чтобы быть первым, чтобы обо мне писали все союзные газеты. Я жертвовал всем, чтобы добиться своей цели. Отдавал все свое время тренировкам, в то время как мои друзья гуляли и развлекались. Ты понимаешь, о чем я говорю?» Он кричал на меня, я впервые за столько лет увидела его таким.

«Мой день начинался и заканчивался в тренировочном зале. Родители отвозили меня туда каждый день, зимой и летом. Отказывали себе во многом, чтобы я достиг того, чего хочу. И я достиг, даже еще больше. Папа мне всегда говорил: „Сынок, никогда не сворачивай со своей дороги, иначе потом, в конце жизни, будешь очень сожалеть об этом. Не жалея времени и сил ради осуществления своей мечты!“ Его уже нет в живых, к сожалению. Но теперь я именно такой, каким он хотел увидеть меня... И если ты встанешь на этом пути, мне придется переступить через тебя. Хоть это и будет тяжело, но без тебя я смогу жить, а без своего дела – нет».

– Вы, наверно, обиделись на него тогда? – спросила Лана.

– Тогда да. Сейчас, конечно, я его понимаю.

– И сколько вы еще жили вместе? Наверное, недолго? С таким сильным человеком, как он, жить, наверно, трудно было?

– Еще ровно три года. Ты знаешь, я не жалею о том, что такой человек был рядом со мной. У него была сила воли, характер – то, чего не хватает многим мужчинам по жизни. Вот я тебе скажу: чтобы дотянуться до своей мечты, одного только ума недостаточно.

– А что еще нужно? Только умный может знать, как достичь своей цели, – сказала Лана.

– Ум, конечно, важен, но еще более важен характер, внутренний стержень, особенно для мужчин. Без этого человек, даже самый умный, просто сойдет с пути при малейшем неудобстве или заблудится. А тот, кто твердо знает, куда идти, несмотря на трудности, обязательно достигнет своей цели рано или поздно.

– Скажите... – Лана хотела что-то спросить, но потом передумала. – Я пойду?

– Лана, ты, может быть, пропустила мимо ушей все, что я тебе сейчас говорила, но меня не покидает уверенность, что придет время, и ты сама все поймешь, – осторожно добавила учительница.

Светлана встала, поцеловала Людмилу Александровну в щеку и вышла из кабинета.

– До свидания!

– До встречи! – крикнула вдогонку Людмила Александровна.

Остановившись возле окна, Светлана достала из сумки зеркальце, принялась рассматривать свое лицо. Слезы высохли, не оставив почти никаких следов. На всякий случай она еще раз вытерла лицо салфеткой.

«Сегодня особенный день в моей жизни, если бы так было всегда... Может, все-таки я хочу большего от жизни?» – подумала она, облегченно вздыхая.

Лана смотрела с высоты третьего этажа во двор училища. Последний день в колледже... Солнце светило ярко, по-летнему, во дворе стайками прогуливались студенты, некоторые – уже незнакомые ей. У всех веселые, счастливые глаза. Лана наблюдала за одной парочкой: парень руками рисует в воздухе сердце, девушка смеется и непрерывно целует его. А он, в свою очередь, гладит её короткие, темные как ночь волосы.

Лана горько вздохнула, очередная слезинка пробежала по щеке.

«Как бы я хотела, чтобы у меня был парень. Чтобы он был всегда рядом со мной. Чтобы так же рисовал мне сердце и в воздухе, и на берегу моря, на песке в таком месте, чтобы его не смыло волной. И еще хочу, чтобы он нарисовал сердце на камне. Чтобы этот рисунок сохранился, и через много лет люди, увидевшие его, снова и снова придумывали новую легенду о нас. Таким образом, моя любовь, нет, наша любовь будет жить вечно... Мое единственное сердце... Нарисованное его сильной рукой».

Она почему-то была уверена, что он будет сильным, высоким, под два метра ростом, и у него обязательно будет собственный бизнес. Обычные девичьи мечты, но ей они казались самыми удивительными... Представляла, как она будет готовить ему завтрак по утрам, провожать на работу. Или нет, лучше до работы – вдруг он по дороге с кем-нибудь познакомится? Лана рассмеялась собственным мыслям, после разговора с Людмилой Александровной они уже казались ей детскими, нелепыми.

Из окна была видна церковь. Ее золотой купол сверкал на солнце, Лана глаз не могла оторвать от этого великолепия.

«Три года здесь учусь и ни разу не обращала внимания на такую красоту. А может, сходить в церковь? Ни разу там не была. Если я не верю в Бога, имею ли я право заходить туда? Я ведь даже не знаю, что там внутри можно и нужно делать».

Бесконечные мысли и сомнения в существовании Бога постоянно возникали в ее голове, и этот внутренний диалог всегда мешал ей принимать решения. Лана никогда не могла ничего

решить быстро, она все время сомневалась в правильности своих действий. Постояв недолго в раздумьях, она решила выйти на улицу, но в растерянности забыла, где выход.

– Извините... – Лана обратилась к проходящему мимо мужчине лет сорока пяти в элегантном темно-синем костюме, белой рубашке и красном галстуке. В его внешности было что-то смутно знакомое, но Лана не узнала его.

– Да?

– Я потерялась, не могу найти выход отсюда.

– А вы, собственно, как здесь оказались? – немного удивленно спросил в ответ мужчина.

– Вот, получила диплом сегодня, – она показала незнакомцу свой диплом.

– Поздравляю! А выход чуть дальше по правой стороне.

– Спасибо!

– Пустяки. Желаю вам удачи, мадемуазель.

– Благодарю вас ещё раз, – она удивленно подняла брови: к ней в первый раз обратились таким образом.

– И еще, на вашем дипломе есть моя подпись, я Борис Глебович, – он улыбнулся и быстрыми шагами стал спускаться вниз по лестнице.

Лана открыла диплом и внизу страницы увидела подпись: ректор Кочевников Б. Г.

«Ничего себе, а я не узнала его. А он, оказывается, ничего, очень симпатичный», – подумала она и пошла к выходу. Не торопясь спустилась на первый этаж. Долго смотрела вокруг на много раз перекрашенные розовые стены, словно хотела попрощаться...

Потом она быстро пошла в сторону выхода и уже собралась выйти на улицу, как вдруг услышала:

– Лана, стой! Я жду тебя внизу уже почти час. Ты так долго была у Людмилы Александровны? Я уже хотел подняться к вам.

Это был Антон Денисович, её преподаватель. Он был влюблен в нее с первого курса и никогда не скрывал своих чувств. Ему было тридцать два года, высокий, не особенно симпатичный, но умный парень. Лане он тоже нравился, особенно его глаза. В его взгляде чувствовалась внутренняя сила.

– А вам все расскажи! – засмеялась Светлана. – Мы поговорили о своем. Для начала можете меня поздравить, я получила диплом! – ей хотелось сообщить об этом буквально всем и каждому.

Он был в растерянности, ведь Лана больше не студентка. И он её, вероятно, больше не увидит.

– Поздравляю! Теперь все? Больше мы не увидимся? – он смотрел прямо ей в глаза.

– Думаю, нет... Может быть, как-нибудь найду к вам! Лет через тридцать... – и улыбнулась. Потом повернулась, чтобы уйти.

Антон остановил её:

– Лана, я тебя люблю...

Он приблизился к ней настолько, насколько она позволяла ему это. Ему нравился запах её волос. Он смотрел на Лану широко раскрытыми, блестящими от радостного возбуждения глазами.

– Останься со мною, пожалуйста, – прошептал он.

– Остаться? С вами?!

– Да, со мной... – он немного отодвинулся.

– Зачем?

– Ты еще спрашиваешь? Ты знаешь, я без ума от тебя... Без тебя для меня нет настоящей жизни. Хочешь, уедем? Мы с тобой будем самой счастливой парой в мире. Все нам будут завидовать! У нас родятся дети, ты станешь прекрасной мамой, я уверен! – он, не отрываясь, смотрел на ее лицо, губы...

– Как вы можете?! – она отодвинулась от него еще дальше.

– В каком смысле?

– У вас есть семья, Антон Денисович, и я не хочу быть причиной раздоров. Я не могу быть с вами, даже если вы мне нравитесь! И еще, у вас есть дочка, я сама росла... – она хотела что-то добавить, но запнулась. – Прощайте!

– Лана, стой! – он схватил ее за руку, забыв о том, что они стояли на виду, в холле колледжа. – Ты обещала подумать о моем предложении. Пойдем!

Он пошел в противоположную сторону от выхода, не отпуская руку Светланы. Ей ничего не оставалось, как последовать за ним. Они вошли в первый попавшийся пустой кабинет.

– Садись, – сказал Антон Денисович.

– Не хочу. Говорите, что хотели сказать!

– Мое предложение, ты забыла о нем? Я хочу на тебе жениться...

– Что это за предложение руки и сердца – в школьном кабинете, без цветов? Никакой романтики! – Лана хотела выйти, но не успела сделать и двух шагов, как Антон преградил ей путь, широко расставив руки:

– Не пущу!

– Пропустите меня!

– Нет, ни за что! – он все-таки опустил руки, но не отошел от двери.

Лана засмеялась.

– Антон Денисович, вы выглядите смешно!

Он через силу улыбнулся:

– Любовь может сделать из умного человека дурака...

– Вы должны прекратить меня преследовать, поймите наконец!

– Почему? Потому что ты боишься любви?

Стоит ли объяснять влюбленному мужчине, что она не боится любви, просто не верит в нее?

– Нет, не боюсь.

– А что тогда?

– Ничего. Отойдите от двери, – она оттолкнула его и вышла из кабинета.

– Лана, стой... – он двинулся за ней.

Но она уже вышла, в последний раз обернулась и взглянула на него. «Вот и все, мы с тобою расстаемся, думаю, навсегда». Антон Денисович стоял у двери и молча смотрел на нее.

Лана улыбнулась ему и даже помахала на прощание. Он все стоял и смотрел ей вслед, пока Лана не исчезла за углом. С каждой секундой его любовь уходила все дальше и дальше. Антон ощущал тупую боль в груди, словно его ударили прямо в сердце. И эта боль не утихнет еще долго...

Глава 4

Лана оказалась рядом с той церковью, на которую смотрела из окна колледжа сегодня утром. Взгляд ее упал на катафалк, за которым медленно ехал маленький автобус с затемненными стеклами и табличкой «Ритуал» на лобовом стекле. Кортёж остановился у ворот кладбища, служащие похоронного бюро сняли гроб с катафалка и опустили перед свежевырытой могилой. Рядом с гробом поставили три венка. На одном была надпись: «Спи, мой ангел. От мамы», на втором: «Никто тебя не заменит. От подруг», на третьем, без подписи: «Вернуть нельзя, забыть невозможно». Из автобуса начали выходить люди. Сначала мужчина в строгом костюме. Он помог следующей за ним женщине спуститься со ступеней. За ними следом медленно вышли остальные, полукругом встали у гроба. Лана впервые во взрослой жизни видела, как провожают мертвых в последний путь. Остановившись неподалеку, стояла и наблюдала за тем, как это происходит. Мужчина в костюме начал говорить.

– Агния... – он запнулся, вытер слезы, несколько раз глубоко вдохнул, стараясь успокоиться. – Извините... Агния, моя племянница, – это все, что было у нас с сестрой, – он посмотрел на заплаканную женщину в черном. – Такая безвременная смерть... Она еще ничего не успела... Какая невосполнимая утрата для нас... Лучшие всегда уходят первыми. Бог, – он посмотрел на небо, – забирает их к себе. Агния была и останется для всех нас ангелом.

Мать при этих словах зарыдала еще сильнее.

– Пусть земля будет ей пухом.

Второй выступила одна из подруг, видимо, самая смелая. Не каждый может собраться с силами в такой момент и что-то сказать об умершем среди его родных и близких. Она стояла минуты две, все никак не могла собраться с мыслями, потом, комкая в руке платок, сказала:

– Агния... Ты была нашей музой, а сейчас ты ангел на небе. Мы всегда будем помнить тебя... Агния, мы все тебя любим... Вернись, пожалуйста, – заплакала девушка.

– Сколько лет ей было? – вопрос невольно сорвался с губ Ланы. Стоящий неподвижно рядом мужчина отозвался:

– Девятнадцать. Это моя дочка сейчас говорит. Они с пяти лет дружили. Как же тяжело сейчас матери...

– Извините, что спрашиваю. Отчего она умерла? Такая молодая, моя ровесница.

– Злокачественная опухоль головного мозга, – вздохнул мужчина.

Лана ничего не сказала в ответ. Она смотрела, как гроб опустили в могилу, как дядя Агнии бросил первую лопату земли. Потом все остальные помогли ему, и в считанные минуты все было закончено. Люди стояли молча, думая о том, что смерть неизбежно коснется каждого из них, это всего лишь вопрос времени... Когда приходит момент уйти в иной мир, ничто уже его не отсрочит: ни деньги, ни связи, ни слезы близких и родных. Только молитва облегчает смерть, только молитва делает нас ближе к Всевышнему... Лане казалось, что это сон, что она находится в каком-то параллельном мире. Она вдруг представила себя на месте той девушки, которую только что похоронили. Вот она стоит, жива и здорова. Она посмотрела на свои руки и ноги – они двигаются, пошевелила пальцами. У нее есть планы на сегодня, на завтра, она дышит, живет, радуется и грустит... А та, другая, уже в могиле, и ничто уже никогда не вернет ее... А женщина в черном? Что она сейчас чувствует? «Я потеряла своих родителей – она потеряла свою дочь, – думала Лана. – Что сложнее пережить? Какая боль сильнее? Потеря родителей в двенадцать лет или потеря ребенка?» Ведь, по сути, как ни крути, и в первом, и во втором случае это невосполнимая утрата... Стоя там и наблюдая за похоронами, Лана решила для себя две вещи. Первое, необходимо прежде всего ценить свою жизнь, так как она в любой момент может оборваться. Второе, если ей в будущем придется написать завещание, там обязательно будет пункт: «Никто не должен произносить речей над моей могилой». Не нужно громких слов

после того, как человек уже умер. Нужно ценить его, пока он жив. А если не ценили, то не стоит произносить теплых слов перед его телом.

– Вы с Агнией были подругами? Что-то я вас не помню, – к ней обращался молодой парень лет двадцати двух в черном костюме и шляпе. Светлана словно проснулась ото сна. Она посмотрела вокруг себя – у могилы никого не осталось, кроме нее и этого парня. Он стоял, опустив голову, по щекам медленно катились слезы. Там, куда падают слезы, потом вырастут самые красивые цветы. «Это будет божьим подарком, живым памятником нашей любви. Каждый раз, когда подует ветер, он унесет с собой этот аромат, и пусть его услышат другие влюбленные...»

– Нет, – ответила она.

– Теперь она в ином мире... – продолжал он. – Мы с ней встречались два года. Когда мы узнали про болезнь, она молчала три дня. Ничего не ела и ни с кем не разговаривала, даже со мной. Что бы мы ни делали, как бы ни старались развеселить ее, ничего не помогало. Потом я ей сказал, что тоже буду голодать, но и это не помогло. Она вообще была с характером, если что-то решила, отговорить было невозможно, – он выпрямился.

– И что потом?

– За три дня до смерти она сказала мне, что во сне увидела Бога, – он посмотрел на небо.

– Бога? – Лана задумалась. Именно сегодня все почему-то напоминало ей о Боге. Почему-то именно сегодня она обратила внимание на церковь, находящуюся в двух шагах от места, где она училась три года. Почему все происходит именно сегодня?!

– Я спросил ее, что он ей сказал. Бог не просто так снится... Она не ответила, просто улыбнулась. Так и не сказала ничего, умерла с улыбкой на лице.

– Мне очень жаль, – сказала она. – Меня зовут Лана.

– Меня Анри.

– Анри? Необычно...

– Это французское имя, моя мама – француженка, а папа русский.

– Ладно, до встречи, Анри, – она повернулась и пошла к церкви.

– Прощай, – произнес он ей вслед.

Церковь была с одним большим куполом, он сверкал на солнце, привлекая к себе взгляд. Вокруг был старый парк, заросший деревьями. Тут было много цветов, со всех сторон раздавалось пение птиц, порхали яркие бабочки. Это было похоже на оазис среди пустыни большого города. Лане казалось, что она попала в сказку наяву. В этом месте была какая-то особая атмосфера тепла и умиротворения, казалось, здесь присутствует сам Бог. Она не готова была увидеть среди каменных домов, рядом с кладбищем такую красоту. «Жаль, что я раньше не замечала всего этого, три года проходила мимо. А могла бы гулять здесь, в парке». Лана не могла оторвать глаза от этой красоты, чувствуя, как в душе устанавливается удивительное спокойствие, какого она никогда раньше не испытывала. Она думала о том, что эта молодая девушка, которую только что похоронили, уже в раю, ей там хорошо и спокойно. Лучше, чем многим живым. Анри сказал, она улыбалась, когда умирала... Она два раза обошла церковь и остановилась у входа, наблюдая за входящими и выходящими людьми. Среди них были и маленькие дети, это удивило её. Ей всегда казалось, что в церковь ходят только люди в возрасте, что, только прожив значительную часть своей жизни, человек начинает задумываться о Боге. А дети ведь еще безгрешны, им не за что просить прощения у Всевышнего. Лана решила зайти внутрь. Но, сделав пару шагов к двери, остановилась. «Зайти или нет?» Ее нерешительность опять дала о себе знать. «Нет, лучше потом. У меня и платка нет с собой». У входа, прислонившись к стене и опираясь на костыль, стоял бородатый мужчина в грязных лохмотьях с протянутой рукой. Руки его были удивительно аккуратными и ухоженными по сравнению с остальной внешностью. Выглядел он довольно странно: слишком большая голова, лохматая борода,

глубоко посаженные глаза под огромным лбом, большие уши. Слишком короткое туловище и слишком длинные руки придавали ему сходство с обезьяной.

– Подайте мне, ради Христа, – между его синих губ блеснули золотые зубы.

– Что? – вздрогнула Лана. – Что вы хотите от меня?

– Подайте мне на хлеб что-нибудь. Сколько можете...

Лана остановилась и начала искать в своей сумке мелочь. В её маленькой сумочке лежали старый телефон Nokia (давно никто не звонил ей), сложенный листок бумаги, ручка, помада, сто пятьдесят рублей и новенький диплом. Сначала она пожалела мужчину с золотыми зубами, но потом пожалела себя. Сто пятьдесят рублей – это все, что у нее было. На временной работе зарплату она получает каждые три дня, как раз завтра вечером дадут следующую. Раньше из-за учебы она не могла устроиться на постоянную работу, но теперь может работать полноценно и больше зарабатывать. А пока все, что у нее есть, это сто пятьдесят рублей. И нужно продержаться до завтрашнего вечера.

– Нет у меня денег! – она быстро закрыла сумку. – И вообще, как вам не стыдно просить денег! Найдите себе работу! Я вам в дочки гожусь, нет, даже во внучки, а вы у меня просите на хлеб!

Мужчина даже не посмотрел в её сторону, видно, он не в первый раз слушал такие слова в свой адрес. Чуть поодаль прямо на земле на расстеленном грязном коврик сидела женщина лет шестидесяти. У нее было длинное, вытянутое лицо, это придавало ее облику что-то лошадиное, печальные больные глаза. Очень худая, больше похожая на призрак, чем на живого человека. В руках у нее была маленькая книга, она без остановки бормотала молитвы. Лана прислушалась, пытаясь разобрать слова, но не смогла. Женщина с лошадиным лицом не говорила, а почти шептала.

– Как тебя зовут? – Лана обернулась и увидела пожилого мужчину с седой бородой. Его глаза сияли, как два огонька, добрый взгляд, спокойный мягкий голос. Он был похож на человека не от мира сего, седые волосы и борода придавали ему вид доброго дедушки.

– Лана меня зовут, – сказала она.

– Лана, заходи! Тебя здесь никто не обидит. Здесь всем хватает места. Здесь исцеляется душа, уходят все печали. Надо только попробовать. Зайди... Ты вновь обретешь себя, будешь смотреть на жизнь по-другому... – он говорил медленно и тихо, его голос действовал на Светлану как гипноз.

– Нет, нет! Не хочу, я не хочу.

Она отвернулась и побежала прочь. Светлана не была уверена, что этот человек действительно живой, она подумала, что увидела перед собой умершего, который служил всю свою жизнь в этой церкви.

Глава 5

Лана решила зайти домой, показать всем диплом, а потом пойти погулять. «Все-таки мои уже, наверное, заждались меня. Может, как раз и помирятся...» Она еще надеялась, не понимая, что это всего лишь самообман... Ее приемные родители общались между собой, только когда ругались, в остальное время они избегали друг друга. Спали порознь, завтракали вместе, но в полном молчании, как в немом кино. Они жили, словно соперники в какой-то игре. Ни о каком доверии, искреннем общении не было и речи.

Лана была все еще под впечатлением от увиденного и, конечно, от того, что сегодня ей наконец выдали долгожданный диплом. Ей казалось, что она сбросила с себя тяжелые железные цепи, так долго тяготившие ее. Даже ее походка изменилась, спина выпрямилась, шаги стали легкими и непринужденными, дыхание – глубоким, полным надежды. Не торопясь, с высоко поднятой головой она шла к дому через старый мост, потом по узенькой тропинке мимо строящегося квартала. Рабочие в красной униформе и синих касках бегали туда-сюда, как муравьи, каждый был занят своим делом. Лана представляла, как она покупает квартиру в одном из этих новых домов рядом с парком. Одна комната будет спальней с большой кроватью под ажурным покрывалом, с белоснежной мебелью. Над кроватью будет висеть бра, чтобы можно было почистить перед сном. Представляла гостиную, совмещенную с кухней в классическом стиле с фарфором и столовым серебром, и встроенным кухонным гарнитуром. Кухня почему-то имела для нее особое значение, хоть Лана не особенно умела готовить. «Научусь и буду готовить для своего любимого человека», – подумала она.

Растворившись в своих мечтах, она даже не заметила, как дошла до дома. Во дворе стояла скорая помощь и машина милиции, старый уазик. У подъезда сидела пожилая женщина, перед ней на земле лежала её собака. Бабушка Валя была единственным человеком, кому была интересна жизнь Светланы. Лана, увидев всю эту картину, испугалась, в самое сердце кольнуло: «Вдруг это к нам? Может, наши поругались, и папа ударил маму? Нет, он не посмеет...» С многочисленными вопросами в голове она подошла к бабушке Вале.

– А, это ты, Лана? – спросила та своим прокуренным хриплым голосом.

– Да, это я. Милиция к нам пришла?

– Нет, успокойся. Ты знаешь, я близко вижу плохо, а вдаль – хорошо. Обычно я тебя узнаю по походке, а вот сегодня не смогла. Она у тебя другая.

Лана сразу же успокоилась, перешагнула через спящую собаку, мирно пускающую слюни, и обняла бабушку Валю, ощутив знакомый сильный запах табака.

– Моя ты девочка, как же я тебя люблю!

– И я вас люблю.

– А ты откуда такая счастливая возвращаешься? От тебя так и пахнет счастьем сегодня!

– Это так видно и слышно? Ну и нюх у вас, – ответила Лана, улыбаясь.

– Дочка, у тебя даже лицо изменилось. Я-то тебя не первый день знаю. Сегодня ты так и светишься и пахнешь, как желтый пион. С малых лет люблю этот запах, он такой нежный, ненавязчивый. И походка у тебя другая сегодня.

– Да, вы правы, бабушка Валя, я сегодня счастливая. Может, и правда от меня пахнет счастьем, только я этого не слышу... Я получила диплом сегодня.

– Да что ты?! Покажи-ка мне, я хочу посмотреть. Поздравляю тебя! – она еще раз обняла Лану. – Я помню, как ты мечтала об этом, три года пролетели, как три дня.

– Это для вас три дня, для меня это была вечность! Мне иногда казалось, что учеба не закончится никогда...

– Что такое три года, дочка? Ты молодая и красивая, вся жизнь впереди. Мы, старики, смотрим на жизнь по-другому. Вот ты сейчас, когда думаешь о будущем, планируешь как

минимум на сорок лет вперед. За сорок лет можно многое успеть. А я, если и планирую будущее, то вечером это дожить до завтрака, а после завтрака, даст Бог, дожить до ужина. Вот так, – сказала она грустно. – Ну ладно, лучше покажи мне диплом.

– Вот. Он еще и красный, – Лана достала диплом из сумки и протянула бабушке Вале.

– Теперь хочу пойти учиться дальше, на врача, – с гордостью сказала она.

Бабушка Валя взяла диплом в руки, открыла, попыталась прочесть, что написано внутри.

– Нет, дочка, возраст дает о себе знать, глаза не видят. А очки дома забыла. Ты прочитай для меня.

Лана забрала диплом и быстро прочла все, что там было написано.

– Ну вот, я уже взрослая, – она положила диплом в сумку.

– Ты всегда была взрослая. Дети, которые растут без родителей, они взрослее, чем их ровесники.

Бабушка Валя знала, что Лана живет не с родителями, а с дальними родственниками своей матери. После трагической смерти мамы и папы государство назначило их опекунами. За опеку они получали неплохие деньги.

– Почему? – спросила Лана.

– Им приходится решать свои проблемы самостоятельно. Таким образом, они быстрее взрослеют. Моё сердце наполняется жалостью, когда я представляю, что они вынесли за свою детскую жизнь!

– Понятно. Значит, я такой не родилась, а стала, – вздохнула Лана.

Тут из подъезда поспешно вышли двое мужчин: капитан полиции в форме и сосед с верхнего этажа Виктор. Они остановились у дверей.

– Вы можете ещё раз рассказать нам, как все было? – спросил капитан у соседа. Тому было лет пятьдесят, бородатый, с густыми бровями.

– Я все уже рассказал и даже написал вашему коллеге.

– Мне тоже расскажите! – потребовал полицейский. Голос у него был хриплый, словно простуженный.

– Покурить можно?

– Да.

– Тогда угостите меня, сигареты оставил в квартире. Только купил и забыл, – недовольно сказал мужчина, нахмутив свои густые брови.

– Я не курю.

– Черт! Давайте по делу тогда!

– Слушаю.

– Я возвращался из магазина, купил хлеб и сигареты. Здесь недалеко есть маленький магазин, напротив нашего дома. Вот там, – он махнул рукой в сторону магазина. Капитан кивнул головой в знак понимания. – Ну вот... Стою, жду лифт. И слышу: собака у покойного соседа лает не переставая. Такое впервые у них, никогда она так не лаяла, да, баба Валя?

– Да, Виктор, – подтвердила бабушка Валя. Лана по привычке сидела с полукрытым ртом и слушала.

– Так вот, я забеспокоился и начал звонить в дверь. Минуты две звонил без остановки, но никто не открыл, и собака не успокаивалась.

– Потом что?

– Не дождавшись ответа, я толкнул дверь – она была открыта. Дверь со скрипом открылась, и собака пулей выбежала на улицу. Честно говоря, я испугался.

– Потом? – капитан сверлил Виктора взглядом.

– Мне кажется, это было очень мучительно... – он задумчиво поскрёб затылок.

– Что именно?

– Ну... Он висел в петле...

– Говорите только по факту, воздержитесь от высказывания своих мнений. Берегите свои нервы и моё время, у меня его очень мало.

– Хорошо, – недовольно пробурчал Виктор.

– Тогда рассказывайте дальше.

– Ну, я увидел, что в коридоре никого нет, начал звать, спрашивать, есть ли кто-нибудь...

В ответ тишина... Простояв пару секунд, я решился войти в комнату (у него однокомнатная квартира). Там было почти совсем темно. Когда я вошел и разглядел, то ужаснулся от того, что увидел. Висит мой сосед в петле... Плохо, что вы не курите...

– Послушайте, Виктор, вы единственный свидетель, а я из вас слова, как щипцами, вытаскиваю... Теперь вы остановились на самом важном месте, и вам стало жалко не мертвого соседа, а того, что я не курю. Что дальше было?! Вы знаете, что обязаны все рассказать о произошедшем? Умер человек, и уже пора начать расследование!

– Не кричите на меня, я тоже нервничаю, как и вы, – пробормотал Виктор сквозь зубы и отвернулся от капитана.

Тот бросил на него быстрый взгляд, выражение его лица изменилось, он подошёл почти вплотную и угрожающе прошептал:

– Советую не нервировать меня. Иначе заберу в отделение, там тебе быстро объяснят, как надо разговаривать с сотрудниками ОВД, поверь моему опыту. Даже немые у нас начинают говорить после дубинки или бутылки из-под шампанского... Понимаешь?

– Да, понимаю, – у Виктора от страха задрожал подбородок, и по спине тоже пошла дрожь. Он нехотя кивнул головой, затем снова заговорил: – Сначала я был в ступоре, не знал, что делать, потом попытался вынуть его из петли, но не смог, он был такой тяжёлый... – по его лицу было видно, что мысли лихорадочно мечутся в голове.

– Дальше? Вы сразу вызвали нас? – капитан бросил на него быстрый взгляд.

– Да, разумеется...

– Расскажите, что было дальше.

– Я вызвал вас, полицию, и все. Ничего не трогал в квартире, я здесь ни при чём!

– Это мы будем сами проверять, трогали или нет. Последний вопрос...

– Слушаю, – нахмурился Виктор.

– Есть у него родственники? Знаете вы их?

– У всех у нас есть родственники, у вас, например, есть?

– Отвечайте на заданный вопрос! Вы его хорошо знали?

– Не очень. Насколько я знаю, жил он безбедно, имел какие-то доходы. Мы, соседи, постепенно привыкли к нему, никто не знал, откуда он взялся, почему поселился здесь, в нашем доме.

– И давно он жил здесь?

– Да лет семь уже, наверно... Он всегда был жизнерадостный, всегда с улыбкой... Насчет родственников – я лично никого не знаю. Баба Валя, вы знали родственников Петра?

– Нет, – ответила бабушка Валя.

– Вот видите, и она не знает.

Бабушка Валя, подтвердив слова Виктора, повернулась к Светлане, якобы разговор ее больше не интересовал, но тем не менее продолжала прислушиваться.

– Ладно, – сказал капитан. – Я зайду дня через два-три. Только смотрите, не делайте глупостей.

– Вы это о чем?

– Я же сказал, вы единственный свидетель. Имею в виду, пока никуда не уезжайте из города.

– Да-да. Как скажете, гражданин начальник, – он покачал головой. – Надо же друг другу помогать.

– Вот именно, – сквозь зубы ответил капитан и пошёл в сторону машины.

– Витюш, иди-ка сюда, – позвала любопытная бабушка Валя.

– Здравствуйте, бабушка Валя!

– Добрый день, Виктор. Виделись же...

– Здравствуй, Лана.

– Здравствуйте, дядя Виктор.

– Что там случилось? Неужели Пётр повесился? – спросила бабушка Валя слишком спокойно, как будто умер котёнок, а не человек.

– Похоже, да. Вы же слышали все, что я говорил этому менту?

– Да, конечно.

– Ну вот, ничего добавить не могу... Угостите сигаретой?

– Бери, – бабушка Валя достала и для себя сигарету, решив покурить за компанию с соседом.

– Вы еще тут посидите? – спросила Лана.

– Да, я посижу. Да и собачка моя спит, торопиться мне некуда.

– Тогда я пойду домой и покажу диплом родителям.

– Нет, посиди со мной чуть-чуть, пожалуйста! – бабушка Валя чиркнула спичкой. – Так скучно одной... С тех пор как дети стали взрослыми, я им стала не нужна. У них своя жизнь, семьи, им не до меня. Я, конечно, их понимаю, но хочется, чтобы они хоть раз в неделю звонили мне, интересовались хотя бы, жива ли я еще, не нужно ли мне чего... Может, я упала и сломала ногу и даже по нужде сама не могу ходить. В молодости мы о таких вещах не думаем, не можем поставить себя на место старых людей. А только заикнусь на эту тему, они мне сразу: «Мам, ну ты же не чужая, позвони, скажи, все, что нужно, мы сделаем». Ну как мне до них достучаться?

Лана пожала плечами.

– Мне что, звонить им каждому и просить поинтересоваться моими делами? – баба Валя улыбнулась и достала очередную сигарету. – Иногда так хочется, чтобы позвонили, даже подхожу к телефону, проверяю, работает или нет. Сначала казалось, что, раз дети не звонят, значит, телефон не работает, другой причины и быть не может.

– Да, Светлана, посиди еще с нашей бабушкой, мне надо себе пивка на вечер купить, – поднялся Виктор со скамейки. – Вечером по центральному каналу футбол, – он довольно потер руки.

– Ты что такой довольный, Виктор? – спросила бабушка Валя.

– Нравится, как наша московская команда играет, ну прямо как в молодости.

– В твоей молодости? Или их? Ты явно на футболиста не похож!

– Да нет... Как в моей молодости... Я еще с тех пор футбол обожаю!

– Сам-то любил играть?

– Нет, зато я в теории все знаю, а вот практики нет, к сожалению, – он улыбнулся.

– Понятно.

– Я пойду, бабушка Валя. Вы здесь со Светланой поболтайте, раз детям вашим не до вас.

– Иди уже, не твоё дело, с кем буду я болтать. Дурак!

Виктор быстрыми шагами ушёл.

– Вот больной на всю голову! Всю жизнь просит у всех сигареты, не работает, живет за счет родителей. Хотя они немолодые уже... Дети такие неблагодарные, я сама жила только ради них, отказалась от карьеры, потому что хотела воспитать из них достойных людей для себя и для общества. Мне, конечно, частично это удалось, но только для общества, не для себя. А я, между прочим, окончила Ленинградский государственный университет, факультет журналистики.

– Что вы! – удивилась Лана.

– Да, моя дорогая. Даже три с половиной года работала на центральном телевидении. Потом вышла замуж, пошли дети. Я все еще помню, как ночами не спала, а только заснешь – нужно встать, провожать мужа на работу, готовить ему завтрак. Для мужчин ведь это очень важно. Я, полусонная, готовила ему чай, бутерброды, а в голове только одно: как только он за дверь, я заберусь обратно в теплую постель, только бы дети не проснулись еще полчаса! И тут-то просыпается старшая дочка, плачет: ей приснилась черная коза с большими рогами. Надо лечь рядом с ней, успокоить... Потом она мне как-то призналась, что специально все выдумывала... Вот так и проходят дни, пока птенцы не вылетят из гнезда...

– А что потом?

– Дальше – хуже, дети взрослеют, начинают показывать свой характер, все делают наперекор, а ты сначала все списываешь на переходный возраст, думаешь, со временем пройдет, а потом привыкаешь и принимаешь это как норму. У нас был учитель труда, уже не помню его имени. Так вот, он всегда говорил, что по ребенку с малых лет видно, глуп он или умен. И еще он говорил так: «Сначала мы не обращаем внимания на их выходки, потому что они маленькие, потом из-за того, что называется „переходным возрастом“. А потом уже ничего невозможно исправить». Вот сейчас я наконец понимаю смысл этих слов. Дети, повзрослев, разлетаются в разные стороны, а ты, посвятив себя им, постепенно теряешь все: молодость, карьеру, друзей. И самое обидное, что ничего уже нельзя вернуть. Приходится примириться с суровой реальностью и жить дальше. Но силы уже ушли, ноги уже не так твердо стоят на земле, колени трясутся, и тебе кажется, что так было всегда. Теперь у меня только вот эта собака, я иногда разговариваю с ней, и, знаешь, мне кажется, она меня понимает больше, чем мои дети, – она улыбалась, несмотря на горечь своих слов.

– Бабушка Валя, я все хочу вас спросить. Как у вас получается всегда улыбаться, когда о грустном рассказываете? – Лане казалось, что грусть и улыбка, как день и ночь, вместе быть не могут.

– Лана, не знаю, поймешь ты меня или нет... За каждой улыбкой скрывается печаль, тоска, скорбь... Понимаешь?

Светлана молчала, она не знала, что сказать, и вообще не понимала, о чем говорит бабушка Валя. Как можно смеяться и в то же время грустить?

– Ну, что ты замолчала?

– Я, наверно, пойду, – Лана поднялась с места.

– Иди уже...

Лана вошла в подъезд и вызвала лифт. Пока он поднимался, она снова достала диплом из сумки, держа его двумя руками, как хрупкую вазу. Это была её первая в жизни заслуга и награда. Она хотела, чтобы родители сразу увидели диплом в ее руках, когда она войдет в квартиру. Выйдя из лифта, Лана остановилась, чувствуя, что волнуется, словно перед экзаменом. Стоя на лестничной площадке перед дверью в свою квартиру, она ждала, пока утихнет странное внутреннее беспокойство. Потрепанная деревянная дверь коричневого цвета была знакома ей с двенадцати лет. На двери висел пустой почтовый ящик с номером двадцать три. Ей казалось, что за этой дверью никогда не было счастья. Зато несчастья – в избытке. Каждый квадратный сантиметр в этой квартире был для нее километром несчастья. Но надежда умирает последней, она все-таки верила, что её праздник станет общим, семейным. Что после сегодняшнего дня её приемные родители примут Светлану как родную дочку, больше не будут ругаться и выяснять отношения. Лана уже хотела нажать кнопку звонка, но остановилась, услышав голос своей приемной матери.

– Тихо!!! Сейчас придёт Лана, давай хоть сегодня не портить ей праздник!

Затем послышались быстрые шаги, кажется, она из коридора прошла на кухню.

– Заткнись! – раздался в ответ ленивый голос отчима. – А что, я неправ? Она уже достаточно взрослая, пусть идёт работать! Я не могу её кормить и одевать всю жизнь. Мне скоро на пенсию, а я все ещё работаю! Вкальваю каждый день, ради чего? Мне тоже нужен отдых, как и всем! Мои коллеги каждый год по два раза бывают за границей, я тоже хочу. Имею право на это!!!

– Где работать? Она же только получила диплом! Устроилась на временную работу, там платят в два раза меньше, чем остальным. Думаю, она потом будет получать больше и начнёт помогать нам.

– В два раза меньше – это еще почему? – пьяно возмутился Костя, отчим Ланы.

– Да потому что она была студенткой, идиот! Тебе, конечно, это в голову не пришло? Тебе же ни до чего нет дела, ни до нее, ни до меня... Пьяный все время, нормально поговорить с тобой невозможно. Сидишь тут, мечтаешь посетить Европу, а может, хочешь на Мальдивах отдыхать? И скажи мне, где ты каждый день работаешь? В ларьке напротив нашего дома? Ходишь пиво пить, как на работу...

Лана услышала звук бьющейся посуды, затем еще раз. Она почувствовала, как ее сердце забилось быстрее, во рту пересохло от волнения, руки вспотели. Она прижалась к двери и закрыла глаза. Из коридора донесся голос отчима:

– Пусть идет на панель, туда и без диплома берут! А что, она молодая и красивая. Пусть зарабатывает для нас, мы уже достаточно ее кормим! Мне на пиво не хватает постоянно...

«Нет... Нет, пожалуйста, не говори так! Я же вас люблю, зачем ты так со мной!!» Она сжала кулаки, хотела постучать в дверь, закричать, но удержалась.

– Закрой рот! Вдруг она услышит! Псих, балбес недоделанный...

Но Лана уже не хотела ничего больше слушать. Она в отчаянии присела прямо возле двери и зарыдала. Еще только утром она подумала, что сегодня особенный день, сегодня могут произойти любые чудеса. Она плакала не от обиды на приемных родителей или на слова отчима. Была жуткая обида на свою судьбу и на отсутствие счастья. Она плакала от потери чего-то, чего у неё не было. Как глупо. Глупо горевать о том, чего не было: о несбывшихся надеждах, разбитых мечтах, обманутых ожиданиях. Судьба словно каждый раз испытывала её на прочность. Как будто проверяла, сдастся Лана или нет. Но Лана любила жизнь и сдаваться не собиралась. Хотя моментами было очень тяжело... Лана хотела вытереть слезы, взгляд упал на диплом в ее руке. Так бы и выбросила его из окна! Все оказалось не так, как она думала, чудес не бывает! Она открыла сумку, достала ручку и лист бумаги, присела на подоконник и стала писать. «Я ухожу из этой проклятой квартиры и от вас, мама и папа. За все это время вы так и не смогли полюбить меня... Я так и не стала вам дочкой и уже не стану никогда. Вы сделали все, чтобы я отвернулась от вас. Я ненавижу дверь нашей квартиры, ненавижу цифру двадцать три на этой двери, ненавижу звук разбитой посуды! И наконец, я ненавижу вас, мои дорогие родители. Думаю, нам всем будет легче друг без друга. Прощайте». Она два раза перечитала записку, подписалась, бросила ее в почтовый ящик и стала спускаться по лестнице. Лифт ждать не хотелось, ей не хватало воздуха. Наконец-то удалось высказать то, что мучило ее долгие годы!

Перед тем как выйти из подъезда, Лана достала платок и еще раз вытерла слезы. Баба Валя сидела все там же.

– Ну, как там родители, рады?

– Кажется, их дома нет. Дверь не открыли, а я забыла ключи дома.

Бабушка Валя внимательно посмотрела на Лану, ее заплаканные глаза и бледное лицо, хотела что-то сказать, но сдержалась, только кивнула, наморщив лоб. Час назад она видела, как родители Ланы, переругиваясь, вошли в подъезд, и знала, что Лана её обманула.

– А что с лицом? С тобой все в порядке?

– Можно я у вас оставлю свой диплом? – Лана сделала вид, что не услышала последний вопрос.

– Конечно, могла бы и не спрашивать.

Лана протянула красную корочку бабушке Вале.

– Мне надо идти, до свидания.

Она пошла куда глаза глядят. Ей было даже хуже сейчас, чем после смерти родных отца и матери... Вернулась головная боль, ее постоянная спутница. За много лет она настолько к ней привыкла, что в те редкие моменты, когда боль исчезала, Лане становилось не по себе, словно чего-то не хватало. Но сейчас к головной боли добавилась боль в груди, словно сердце из нее вынули и внутри сквозит ледяной ветер. Она не знала, сколько прошла, пока, обессиленная, не упала прямо на асфальт. Мимо нее проходили люди, кто-то просто обходил, не обращая внимания, кто-то возмущался, думая, что валяется пьяная. Дети показывали на нее пальцем и смеялись. Но никто из прохожих помочь не торопился.

Через некоторое время Лана пришла в себя, попыталась встать, но ноги не держали ее, все вокруг кружилось, она чувствовала сильную слабость. Никто из проходящих людей не хотел помочь ей, спросить, почему она сидит на асфальте и почти не дышит... Вдруг она почувствовала чьи-то пальцы на своем запястье.

– Что с вами? Вам плохо?

Лана подняла голову и увидела молодого человека, который присел рядом с ней на корточки и пытался проверить пульс.

– Ничего, все хорошо. Я просто присела отдохнуть, ноги устали...

– Да? – он недоверчиво смотрел на нее. – Но вы же сидите прямо на асфальте! Давайте я вам помогу дойти до дома.

Он попытался её поднять, но тело Ланы словно одеревенело. Она грубо оттолкнула парня:

– Не трогайте, я сейчас сама встану и пойду!

– Хорошо, хорошо, успокойтесь. Вы очень бледная, у вас, видимо, гипогликемия. Вам нужна сейчас глюкоза, сразу станет лучше...

– Я сама медик и все знаю, – огрызнулась Лана. Она ненавидела всех и вся вокруг. Хотелось выплеснуть злость на кого-то. Сделав глубокий вдох, она поднялась на ноги, ее подскопление словно кричало ей, топая ногами: «Соберись, Лана, ты ещё не такое переживала, что с тобой?»

Богдан отошел на шаг, недоверчиво осматривая её, подумав о том, что, может быть, её сбила машина. Ушибов вроде не видно... Тогда он предложил:

– Давайте зайдём в кафе, вон там, на углу, есть McDonald's. Выпьем сладкого чаю, а я бы выпил кофе, – он взглянул на свои часы марки Rolex. – У меня есть часа два свободного времени.

Лана качнула головой в знак согласия. Каким-то чудом она из последних сил ухитрилась изобразить на лице улыбку. Хотя мысли были в полном беспорядке, да и аппетита не было.

– Пойдемте, – Богдан тоже улыбнулся в ответ.

У входа в McDonald's Лана внезапно остановилась, не решаясь зайти в кафе с совершенно незнакомым человеком.

– Все хорошо? – спросил Богдан.

– Да, ничего, все нормально, – ответила Лана из последних сил и шагнула вперед. McDonald's, как ни странно, был полупустым. В правом углу сидели две молодые девушки, школьницы, да еще коренастый мужчина в грязной одежде у окна. Он поминутно доставал носовой платок, сморкался, вытирал лоб, недовольно бурчал что-то себе под нос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.